

СМЕНА

XX 101
1

КОЛЛЕКТИВНОМУ ВОЖДЮ РАБОЧЕГО КЛАССА
XVI С'ЕЗДУ ВКП (б)
ПЛАМЕННЫЙ КОМСОМЛЬСКИЙ ПРИВЕТ!

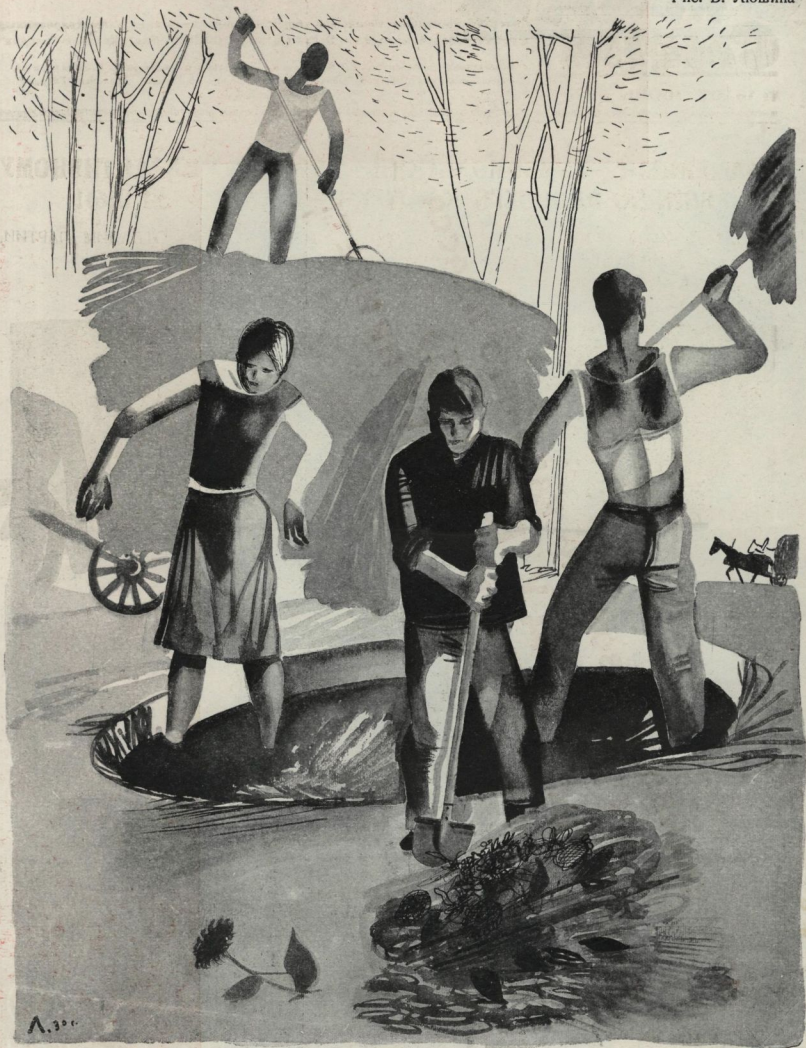
№ 16-17

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1930

20
КОП.

МИЛЛИОН СИЛОСНЫХ ЯМ И ТРАНШЕЙ ДАСТ КОМСОМОЛ ДЕРЕВНЕ

Рис. В. Люшина

Только разрешив проблему животноводства, добьемся мы преодоления продовольственных затруднений с мясом. Но животноводческая проблема упирается в кормовую, а последняя, в свою очередь, — в силосную. Наркомвем РСФСР обратился к ленинскому комсомолу с просьбой взять на себя оборудование силосных ям. Нарком не ошибся адресом. Призыв подхвачен всеми комсомольскими организациями.

XX 101
Прочитайте всех стран, соединитесь!

Смена

№ 16—17 ИЮНЬ 1930 г.

Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи. Орган ЦК и МК ВЛКСМ—Изд. „Молодая Гвардия“

Ответственный редактор С. Комрад. Заведующий редакцией Я. Юдицкий.
Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6, над-бф „Молодая Гвардия“.
Телефон 2-35-26.

ПЛАМЕННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ПРИВЕТ КОЛЛЕКТИВНОМУ ВОЖДЮ РАБОЧЕГО КЛАССА—XVI СЪЕЗДУ ВКП(б)!

ВСЕ СВОИ СИЛЫ, ВСЮ СВОЮ ЭНЕРГИЮ, ВСЕ СВОЙ ЭНТУЗИАЗМ ОТДАДИМ ПАРТИИ,
ВЕДУЩЕЙ НАС К ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПОБЕДЕ СОЦИАЛИЗМА!

Со всех концов страны Советов возем в Москву астафету трудовых достижений.

ШЕСТНАДЦАТОМУ СЪЕЗДУ

Мы хотим вам рассказать, товарищи делегаты XVI партсъезда, о том, как работали, как росли и развивались под руководством партии со времени ее XV съезда.

Вместе с нами подвизались мы тогда: оступать рук, не успокаиваться до тех пор, пока не догоним и не перегоним наиболее передовые (в технико-экономическом отношении) капиталистические страны. Для этого нам нужно было перестроить свои ряды. Мы стали отменять дряхлые, изжившие себя формы работы, ликвидировать нецелесообразные. Перестройка шла на ходу бешено мчащегося поезда реконструкции.

На своем знамени написали мы тогда: «Людям к хозяйственному строительству!» Все остальные задачи мы подчинили этой.

Вы видели нас у дома, за станками, на стройках. Мы спускались в шахты, пробивались в тайгу, брались за самую черную и трудную работу.

В тот день, когда Красная армия справляла свой десятилетний юбилей, страна украшена грудь ленинского комсомола орденом Красного знамени. Багряный орден напоминает о славных боях гражданской войны, о крови, пролитой комсомольцами в борьбе за власть Советов.

Водоушленные им, мы ринулись в новый бой: одолеть, победить проклятую экономическую отсталость. Так из энтузиастского порыва рабочей молодежи подросло социалистическое соревнование. Так выросло широкое движение ударных бригад. Мы снастились сознанием, что комсомольская инициатива, подвигнутая всем рабочим классом, ставе острейшим оружием партии в борьбе за пятилетку.

В эти годы союз ближе всего подошел к осуществлению завета Ленина о том, что коммунистический союз молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу и личицу.

Нас позвали в голую волжскую степь, нас 4000 молодых рабочих и крестьян, и сказали: «Стройте завод!» Мы выстроили его вместе со своими старшими товарищами, подняли его на своих плечах и сегодня снимаем с конвейера первый трактор.

Когда обвалился утроба провала в Донбассе и на лесозаготовках, мы бросились туда, чтобы своими руками заковать пробоины. Десять тысяч взяли в руки шахтерские лампочки и кайлы, сорок тысяч выоружились топором и пилой. Мы рубили дубы вековой косоветы и взрывали пластики технической отсталости.

Товарищи, не для хвастовства, а для того, чтобы проиллюстрировать свой отчет, мы хотим вам рассказать о комсомольской ударной бригаде Яковлева (Каменская писчебумажная фабрика), которая выработала в феврале 928 кг бумаги и снизила брак до 12%, в то время как «взрослая» ударная бригада Шербакова выработала 882 кг и снизила брак до 1,8%. Мы хотим вам рассказать о комсомольской бригаде сборочного цеха завода «Красная Пресня», которая подняла производительность труда на 31% и снизила расценки на 21%, в течение других комсомольцев, упорно и настойчиво борющихся под знаменами пятилетки.

Мы не оправдали бы ваших надежд, если бы свели все к простому приращению мускульной энергии. Мы стали пионерами социалистической рационализации.

По возможности, дни и ночи.
Чем жив донепотопный уклад.

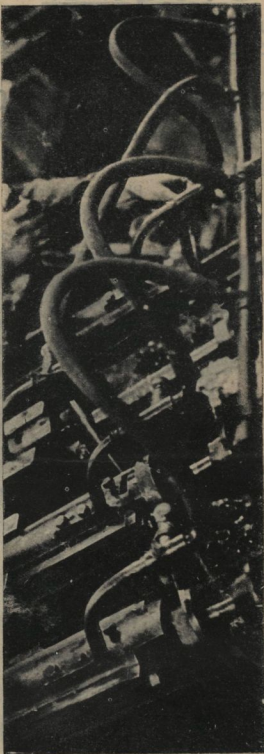
Ударим,
ударим,
ударим

Примером ударных бригад.

Мы ощутили в себе ненасытную жажду технических знаний и отправились в поход за ними. Заключение союза с лучшими специалистами—«Руку на дружбу, товарищ инженер!»—мы рассыпали по фабрикам и заводам производственные группы, рационализаторские кружки, бригады теплов и планов.

Разве уложишь богатые, наполненные до краев борьбы и работой, годы в сотни, даже тысячи беспорядочных строк? С воспетыми при главах, с историческими фактами, но полные сил и энергии стояли мы на вахте социалистической промышленности, гордые своим капитаном—ВКП(б).

Каждый, кто покусался на генеральную ставку, кулак, астролог и у нас решительный отпор. С презрением отвергли мы льстецов, трюмистов, разоблачили их агентуру в комсомоле. С большевистской страстью дерзали и будем дерзаться с правыми оппортунистами—кулакскими подвалами, живущими сейчас главной опасностью. Не дали и не дадим себе увлечь и «сладким» оборотной стороной той же оппортунистической медали. У старой гвардии учимся мы безапелляционно, без уступки, без снисхождения к Сталина—большевистской непримиримости.

Классовый враг не раз пытался замутить комсомольские ряды. Он пустил в ход теорию переноситания могодого кулака в союз, он подкараивал и подуривал старую идею о единственности, он не переставал бы сбивать союз с толку авангардистскими претензиями.

Мы вывели на свежую воду все эти ложные теории, мы никогда не пустим классного врага и свои ряды, не станем в стороне от политической жизни, не откажемся от роли по о м о и д и к а большевистской партии.

У нас были, товарищи, отдельные ошибки. «Комсомольская Правда», которой принадлежит не мало заслуг в деле руководства коммунистическим юношеским движением, дважды сфабриковала. Статьи Шацкина и Стана, помещенные в ней, шли в разрез с генеральной линией. Статьи эти не отражали мнения союза, и редакции газеты были

VI СЪЕЗДУ

Алтаузен

Он многих,
Много укрютил,
Взрылат
Старь рыб,
И вселенной
Шпалы
Прикрутил
Наш молодой
Турисиб.

Взрыхляют
Тракторы
Поля,
Звони,
Колхозная земля!
Звонды
Сталью
Углю,
Звони
Ударная земля.

Звени, земля,
Звени
На бой,
И песнь моя,
Лети,
Мы крепко
Спаяны борьбой
На Ленинском
Пути.

Мы выстрим,
Мы выстрим,
Нам мускулы
Верны,
Мы выстрим,
Мы выстрим
Заводы
Для страны.

Вальс
Долина
Подняться ты,
Страна
Стальных
Забот.
Шестнадцатый
Шестнадцатый
Зовет нас всех
Вперед.

ловек и ширится с каждым днем, перекидываясь из города в деревню.

Путь наш не был гладок. Мы не закрывали глаза на свои недостатки, не мирялись с ними. Только в процессе беспощадной самокритики можем мы их высечь, только с ее помощью наделаем работать успешно дальше.

А недостатков у нас была тьма. Порою, поргнзвившись с головой в хлопочную практику социалистического строительства, мы забывали о необходимости изучения революционной теории; мы объявлял тогда поход за овладение ее высотами, но застряли пока на первых крутизнах.

Несмотря на то, что мы выбросили лозунг: «Весь союз—одна ударная бригада!»—сегодня в рядах ударников только половина комсомольцев (по Москве—42,6%).

Не все мы боролась одинаково стойко. Были в комсомольских рядах и такие, кто дезертировал, кто испугался трудностей. Иных—пустоцветов, сорную траву—мы выкалывали из комсомольского поля, с презре-

нием вышвыльивали из своего сердца. А большое количество мы сами не смогли удержать, заинтересовать работой, воспитать борцами.

Но мы росли и количественно: сегодня под знаменами ленинского комсомола стоит около 2 500 000 человек, в партии солдат, а в XV Съезде их было всего 2 000 000. Увеличился пролетарское ядро: кимовский значок горит сегодня на блузе 1 200 000 молодых рабочих и батраков; в период XV съезда рабочих и батраков было в комсомоле 530 000 чел. Однако всей пролетарской молодежи мы еще в свои ряды не втянули; комсомолом охвачено лишь 48,4% всех молодых пролетариев СССР.

Нас не удовлетворяет и количество девушек, состоящих в комсомольских рядах. Правда, их сегодня 600 000 вместо 430 000 к моменту XV съезда, но и такое число явно недостаточно.

Мы сильно смущены состоянием партгрупповедства в комсомоле. Оно упустилось со времени XV съезда, но... Простите, товарищи, за резкость, но в том, что партгрупповедческие к комсомолу работают слабо, мы виноваты! Мы уделяли мало внимания, мы редко спрашивали у них, они никогда не были в ответе за прорывы в комсомольской работе. Мы верим, что после XVI съезда положение изменится.

Партийное ядро в комсомоле насчитывает сегодня 230 000 чел. (93,5%); больше половины из них (160 000) вступило в партию в последние два года. Знаем, что мало, обещаю подготовить новые сотни тысяч пролетарской молодежи.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Рапорт подходит к концу, а обо многом упустило: скупили словами можем мы лишь упомянуть о 750 000 комсомольцев, занимающихся в освоенных районах, о 27 получивших орден Красного знамени за меткую стрельбу по безлюдьям; о комсомольской подводной лодке, которую строит в подлорк Красному флоту и на которую собраны уже 500 000 руб.; о широком пионерском движении, ведущем к коммунизму около 4 000 000 детей, и о 50 000 комсомольцев, мобилизованных для помощи этому движению; о всеобщем субботнике помощи школе и о десятках других субботников; о том, как боролся в Средней Азии за хлопок и шелк, а в Западнй области—за лен; о ста тысячах, живущих ныне в бытовых коллективах; да и знаете вы все это сами, каждый из вас был свидетелем комсомольской работы, побед и поражений.

Вот как мы работали, росли и развивались, вот—очень кратко, очень кратко—какой путь прошли со времени XV съезда КПСС. Свою дальнейшую программу мы можем изложить в следующих словах:

«Мы решаем грандиознейшую историческую задачу. Личность должна быть готова принести себя в жертву этой общесоветской задаче. Комсомолец должен быть готовым на всяческие жертвы в борьбе за наш идеал. Мы требуем сейчас больше от каждого комсомольца. Комсомолец должен уметь побеждать, жить борьбой, везением, который был кундиком. Без этого не может быть нашего развития. Мы должны быть счастливы тем, что нам выпало жить в эпоху, покажут, самую богатую, многогранную, самую лучшую в истории великими событиями. Пусть будущее поколение не расцветет, а гордится тем, что когда-то в эпоху переходного периода жила ленинская комсомол, который не склонила голову перед трудностями, который был подобен буревестнику, который в бурях классовой борьбы чувствовал себя в своей стихии, кто жил когда-то ленинской комсомол, чья борьба и работа были той школой, из которой рождалась советская трудовая молодежь, который был подобен буревестнику, который в бурях классовой борьбы чувствовал себя в своей стихии, кто жил когда-то ленинской комсомол, который в жизни, борьбе и работе руководствовался принципом: лучше смерть, чем классовое бесчестие и классовый позор» (А. Косарева).

На сьемках отдельные эпизоды из прошедшего в мае военного похода студентов I МГУ: слева — нанесение крест на карту, пристрелка; справа — командир в дозоре; внизу — военный специалист и участница военного похода на наблюдательном пункте.

ПОКОЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ДНЕЙ

Фото М. Маркова

За рубежами Страны Советов—ожесточенная борьба капиталистических сил со все развивающимся революционным движением. В активную борьбу втягиваются все три поколения рабочего класса. Дети пролетариев нередко выходят на аванпосты классовой борьбы рабочих с буржуазией. Им это видно и в Америке, где дети оказали энергичную помощь своим бастующим отцам и старшим братьям, и в Германии, где детские отряды демонстрируют по улицам и в ряде других капиталистических стран.

Боязнь потерять влияние на третье поколение пролетариев заставляет буржуазию, стремящуюся подчинить своим интересам рабочую детвору, применять политику кнута и пряника. Широкой сетью детских организаций, располагающих миллионными средствами, через школу и церковь пытается буржуазия охватить детское движение.

Прошедшая недавно Международная детская неделя особенно ярко показала, что политическая борьба, борьба пролетариата со своим классовым врагом, не может оставить в стороне и подрастающее поколение рабочего класса.

В Советском Союзе МДН была отмечена широкой волной слетов и праздников, прошедших под лозунгом участия детей в социалистической стройке, борьбе с классовым врагом и помощи своим маленьким зарубежным братьям.

На снимках: слева — отдаленные спянки на жнивье подмосковного лагеря; трубит сбор, утренняя уборка. Справа — пионеры рассматривают телескоп, сфотографированный 14-летним школьником Чабиним (Иваново-Вознесенск). Справа внизу — пионерка лагеря им. тов. Ворошилова (под Берлином).

НА ВЕЛИКОМ ПЕРЕЛОМЕ

Мы стоим на правильном пути, политика нашей партии правильна.

А из этого следует, что, двигаясь по этому пути, мы придем наверняка к победе социализма в нашей стране, к победе социализма во всех странах.

Это еще не значит, что у нас не будет трудностей на нашем пути. Трудности будут. Но мы их не боимся, ибо мы—большевики, закаленные в огне революции. Трудности будут. Но мы их преодолеем, как преодолевали до сих пор, ибо мы—большевики, выкованные железной партией Ленина для того, чтобы бороться с трудностями и преодолевать их, а не хныкать и плакаться.

Товарищи! К победе коммунизма в нашей стране, к победе коммунизма во всем мире—вперед!

Партийные съезды—вехи неустанной, проникнутой железной решимостью борьбы за социализм. На историческом пути пролетариата они передвигаются все ближе к конечной станции, к тому бесклассовому обществу, перепахавшему рубеж которого можно, только пройдя через чистилище пролетарской диктатуры и беспощадного подавления спернувших эксплуататорских классов.

XV съезд только раскрывал первую страницу новой главы классовой борьбы, вытекшей из того неопровержимого факта, что в деле сореживания капитализма и социализма на основах зпа на стороне социализма образовалась непрерывно растущий решительный перевес. Он выдвинул коллективизацию в качестве первоочередной задачи. На протяжении между XV и XVI съездами коллективизация стала не только первоочередной задачей, но и фактом первоочередной важности. Фактом такой силы, такого размаха, что стал возможен лозунг ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. От политики вытеснения и ограничения кулачества мы перешли к полному лишению в районах сплошной коллективизации этого класса кровососов-эксплуаторов его производственной базы.

Отдельные, разрозненные ручейки коммунистической борьбы, которые пробивались сквозь чащу замешанных индивидуальных хозяйств, за эти годы превратились в мощный, повсюдный поток.

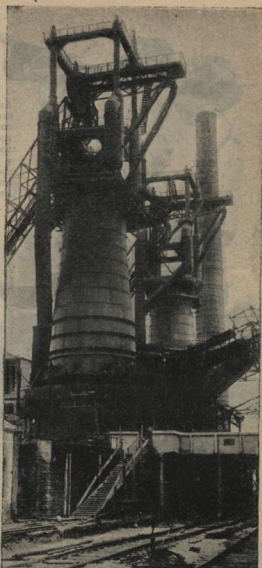
Излившиеся устремления людей, в которых го-ловокружение от успехов охватило политическое сознание, привело к перегибам. Середняка в отдельных местах тянули в колхозы за шиворот, да и раскулачивали за компанию с подлинным кулаком или даже забывая о последнем. В колхозах обще-

ставляли кур и гусей. Этой чрезмерной «левизной» отличались подчас явно кулацкие агенты, в иное время ратовавшие против колхозов, но в большинстве своем перегибцами были люди, забывшие задачу сохранения союза с середняком, забывшие ленинское указание, что насильно создавать коллективное хозяйство нельзя. Перегибы нанесли огромный ущерб колхозному движению, вызвав несуюзную волну отливов, уходов из колхозов.

Все же в итоге сохранились мощные колхозные массы. Шутка сказать: на 20 мая посев колхозов составил 25 586 тысяч га, а в время как площадь посевов единоличников равнялась 28 613 тысяч га. Колхозы по своему удельному весу стади почти равны единоличникам. Эта гигантская перестройка крестьянских хозяйств является одной из важнейших черт периода между XV и XVI съездами партии. Происходит то ускорение в движении вперед вместе с основной массой крестьянства, о котором говорили когда-то Лени. Происходит выкорчевывание самых корней капитализма, ибо мелкобуржуазное товарное хозяйство является той ступенью, которая неизбежно скелечено рождает капитализм. Происходит вместе с тем решающие сдвиги в расстановке классовых сил. Если раньше середняк-единоличник, являясь нашим союзником, в силу своей двойственной природы (как трудящийся и как торговец, товаропроизводитель, владялец средств производства), был подвержен колебаниям, то, оказавшись в колхозе, он с этим колебанием расстается. Он делает окончательный выбор—выбор социалистического пути развития—и с этим пор становится прочной опорой партии и советской власти.

Меняется лицо страны. Там, где раскинулась песчаная пустыня, легли стальные

И. СТАЛИН.
Из речи на
XV съезде
ВК(б)

Кировский металлургический завод. Новая доша.

жилье Турксиба. Тракторострой. Днепрострой—тысячи гигантских кадров, которые должны в ближайшие годы уже включиться в могучую систему социалистической индустрии. Первый год пятилетки дал резкое превышение намеченного выпуска промпродукции—24% роста вместо 21,4%. Задание на следующий год было повышено: 31,3% вместо 21,5%. Оно оказалось на первом полугодии выполнено не полностью: достигнуто повышение на 29,4%. Все же заметки пятилетки оставлены далеко позади, несмотря на вредительство части инженеров, ставших агентами сбежавших за границу капиталистов, несмотря на то, что во многих случаях мы попрежнему работаем по-парварски, немудро, расходуя бездумно людские силы и средства. Основной силой, дающей быстрыми темпами нашу промышленность, стало социалистическое соревнование масс и движение ударных бригад. Эти позде-

Общий вид Виб-Вибатенных промздоров в Баку.

Новый рабочий городок в Баку.

социалистические формы труда, показывающие осознание рабочими массами своей кровной заинтересованности в росте социалистической промышленности, охватили еще не всех пролетариев. Борьба за дальнейшее перевыполнение плановых заданий неотделима от широкого развертывания именно этих форм организации труда, немалыми в условиях капиталистического предприятия.

В ударничестве, в социалистическом соревновании комсомол стоит на одном из первых мест. Энтузиазм рабочей молодежи,

запечатанный в «Выстреле» Безменского, — это только неприкрашенная правда заводских будней. Комсомол бросил до 200 тысяч на продолжение уаких мест в нашем строительстве (шахты, металл, новое строительство и т. д.). В один Тракторострой волеется 7000 горячих, охваченных пафосом стройки комсомольцев. И комсомол остается на аванпосте в дальнейшей борьбе за темпы. Небывалые успехи социалистической промышленности, которых не могут умалить множество недостатков и промахов, вводит неразыранным звоном в дело социалистической реконструкции всего народного хозяйства. Рост индустрии позволил поставить вопрос о создании широкой машинной базы для колхоза и совхозов, обеспечив техническую перестройку сельского хозяйства. Ведущая роль индустрии неизмеримо выросла.

Мы уже стоим непосредственно на пороге к социализму, хотя подьем продолжает оставаться крутым, почти отвесным. На такой высоте не все способны сохранить политическую трезвость. Нашлись люди, которые ближайшие подступы к социализму стали расценивать как труднореализуемую ахуку: все трудности, мол, преодолены, стоит только шевельнуть вожами, и мы на курьерских подкатах к желанной остановке. Заговорили о «закате янла», что вопрос о том, кто кого победит, уже снят жизнью. Забыли о том, что борьба с кулачеством не закончена, что оно оказывает жесточайшее сопротивление: забыли о том, что вне коллективизации остались огромные пласты середняцкого крестьянства (во всяком случае, большая часть), которых надо еще завоевать. Забыли, наконец, о том, что низ неизбежно останется существовать до тех пор, пока сохраняется рынок, базар, а рынок нельзя закрыть по приказу, не сорясь с середняком.

Новый этап социалистического строительства, конечно, качественно отличается от первых лет янла, когда в горнозаводском господстве, когда наша промышленность составляла какую-то дробь в сравнении с довоенным уровнем, а колхозы были редкими островками в океане мелкобуржуазных хозяйств. Но эти отличия не снимают основы янла, заключающейся в допущении известной свободы товарооборота, открытой клапан для развития индивидуального середняцкого хозяйства. Города буржуазия, кулаки были только сопутствующим злом. Разговоры о «закате янла» ведут к замашиванию действительных задач текущего периода, затупляют подлинную постановку классовых сил и тем самым могут только тормозить дальнейшее успешное продвижение вперед.

Новый этап социалистического строительства блестяще опровергает все те гадания на кофейной гуще, которыми нас угощают и троцкисты, вопиющие о перерождении Советского государства и партии, и правые оппортунисты, требовавшие отказа от взвешанной индустриализации и коллективизации. Партия оказалась полностью пра-

ва, ведь беспощадную борьбу на оба эти фронта. Небезинтересно, что Троцкий сейчас, когда определялись неопровержимые достижения индустриализации и коллективизации, куда повернул к позиции правых. Он уже не преврет «сверхиндустриализацию», а пытается доказать беспосильность взятого разгона. Он доказывает, что коллективизация осуществлена лишь в течение десятилетий! Янла миска сорвала окончательно с лица Троцкого, а еще быстрее теряющего остатки своей «суперреволюционной» фразеологии. Несомненно, что именно разгром троцкизма, отрицательное воздействие социалистического строительства на одной стороне, нельзя было бы притти к сплошной коллективизации, руководясь правооппортунистической теорией вращающегося кулака в социализм.

Несомненно, однако, что лозунг «главной огонь по правой опасности» не снимается с повестки дня. Он дополняется сейчас лозунгом «огонь по левым головам», спонсором действиями создававшей почву для провозрастания правых теорий. Борьба на два эти фронта позволила партия сохранить в чистоте ленинские принципы. Борьба эта продолжается с еще большей остротой.

Возрастанию наших успехов на фронте социалистического строительства сопутствует рост симпатий пролетариата всего мира к шатающейся пролетарской революции и рост неопределенности к ней всех сил старого капиталистического мира. Относительное укрепление капиталистической экономики, наступившее после первых лет бурного послевоенного кризиса, оказалось непременным. Капитализм, не смог, несмотря на все старания, проанализировать такой перестройки рядов, которая символа бы основные противоречия, возникшие на основе послевоенного кризиса. Сейчас мы имеем бурный кризис в США, Англии, Штатах, бешено растущую безработицу в Германии, Англии, решительный распад внешнего благополучия во всех капиталистических странах. В условиях кризиса усиливается революционное рабочее движение, развертывающееся под знаменами компартий, и движение масс в капиталистических колониях и полуколониях. События в Индии, восстание в Индо-Китае, двиславские советы в Китае показывают, насколько накалена почва в странах Востока. С тем большей ненавистью и злобой взирают капиталистические державы на успехи социалистического строительства в СССР. Они энергично готовятся к походу против СССР, мобилизуя для этого и римского папу, и фальшивоинженеров, изготовляющих советские черепки для подрыва нашего финансового хозяйства, и вредителей в СССР, и своих социал-лакеев за границей. В ход пускается экономическая блокада, создание всемирных ратиков нашему экспорту, отвод кредитов, вплоть до снова вспыхивающей дикой бани о «национализации жен-

В дробилке Керченского металлургического завода

цию, являвшейся первым антибюрократическим витанием в годы гонимости Правды, теперь рвет и идет уже о «коллективизацию—тупоумная каскаета чуткою полновизна,—но какой степени ослаблена, надо страдать для того, чтобы пойти на такую задачу!»

Таков международный фон, на котором происходит наше движение к социализму. В этих труднейших условиях ВКП(б) с исключительной зоркостью приходится следить за борьбой братских компартий. Накануне новых революционных боев происходит новый отсев случайных попутчиков компартий. Коминтерн безжалостно отсекает всех правых, встающих против подлинно-революционной тактики и дозвонгов, и ведет решительную борьбу против мимолетного сектанства, претворяющего путь к социализму в путь к социализму. Особую остроту приобретает задача поворота к массам для Коминтерна молодежи. Коммунистические юношеские организации в странах капитала явно отстают от темпов революционного движения в целом. Крепи связи с братскими страдальцами мировой революции, ВКП(б) ведет неустанную работу над пробуждения всех творческих сил рабочего класса СССР. Именно благодаря этому остается она непреклонной партией пролетарской диктатуры, показывающей пример зарубежным секциям Коминтерна.

Троцкисты предрекали партии бесславную судьбу перерождения, отрыва от рабочих масс. За время с XV съезда в партию вошло сотни тысяч рабочих от станка. Более того, в партию вступают целыми цехами, целыми предприятиями. Что, как не величайшее укрепление авторитета партии, величайшее доверие к партии, как к истинной выразительнице своих классовых интересов, кроется за этой масой в партию?

Важному роли в этом процессе сыграло широкое развертывание пролетарской самокритики. В области самокритики, как и в других областях, мы, конечно, имеем сотрудничество бюрократических косных элементов. В других случаях мы имеем только тогда выступают реинтеграция самокритики, когда под ее флагом они собираются предпринять атаку на генеральную линию партии.

В других случаях они зажимают рот критикующему, используя для этого все средства. Но в то же время самокритика уже сейчас стала важнейшим средством выявления наших недостатков, важнейшим средством проверки качества работы.

В прямой связи с усилением пролетарской самокритики находится широкое движение рабочих масс за улучшение госаппарата. Рабочие бригады, участвовавшие в чистке аппарата, выявили множество искривлений и неполадок, оставшихся книгой за семью печатями для обычных ведомственных ревизоров. От участия в чистке рабочие перешли к шефству над государственным аппаратом. Новые формы вовлечения рабочих в контроль над аппаратом послужили дополнительным резервуаром для выживаемости. Все большее и большее количество рабочих является в госаппарат, для того, чтобы перестраивать его согласно темпам и требованиям реконструктивного периода.

Мы подошли к тому этапу, когда при сохранении пролетарской диктатуры массы все больше начинают непосредственно управлять; грань между управлением и управлением становится все тоньше, все незаметнее. Закладывается первое ядро того «государства коммуны», о которых писал Ленин.

В этой работе особое место занимает «легкая» дивизия комсомола — активная оловянная из форм контроля и проверки аппарата со стороны масс. Сейчас задача состоит в том, чтобы «легкая кавалерия» предприняла явочным образом в общее движение шефства над госаппаратом.

Активность рабочего класса в деле улучшения производства, в деле непосредственного участия в государственном строительстве находилась в пролетарской уставлении методами работы профсоюзов, в

На Туркестане. Первые поезда привезли сельскохозяйственные орудия. На описанном перевозке орудий в кишлаки.

руководстве которых находилось значительное ядро правых оппортунистов. Потребовалась смена этого руководства, пытавшегося противопоставить профсоюзную партию, противопоставить массовые организации пролетариата его политическому авангарду. Апокалиптический отрыв от масс, превращение из организаторов масс в бюрократические инстанции — вот наиболее характерные болезни профсоюзов, которые сейчас быстрым темпом изживаются. Профсоюзы возвращаются аниом к производству, к насущнейшим задачам социалистического строительства.

Все эти огромнейшие задачи в области коллективизации, дальнейшей индустриализации и перестройки работы во всех звеньях наших аппаратов упираются в проблему кадров. Проблема кадров неотделима от проблемы культурной революции, поднимавшей к политической жизни новые миллионы рабочих и крестьян. Здесь перед комсомолом встают большие и ответственные задачи. Миллионы молодых пролетариев и колхозников, батраков и бедноты являются тем единственным резервуаром, откуда могут непрерывно черпаться действительно преданные, честные кадры революции и социалистического хозяйства. Надо добиться, чтобы эта лава казалась по изнему революционным руслом. Надо не покладая рук работать над внедрением нашей классовой и культурной, не брезгая черным делом ликвидации безграмотности и не забывая о высотах идеоло-

гии. Комсомол — зачинщик культурнохода, инициатор борьбы за перестройку средней школы — должен здесь все время не ослаблять темпов. Дело не только в правильной организации школьного воспитания. Выписка кадров должна происходить на основе конкретного участия масс молодежи в борьбе на ударных участках социалистического фронта. Сбор угля, субботники по разгрузке железнодорожных узлов, ударники зачета пропавших культур, создание слесарных ям — наряду с непреодолимой борьбой за выполнение промфинплана — вот слухи этого широкого разлива творческих сил молодежи, который так нужен делу революции.

Трудности не кончатся. Но и силы у нас не иссякли, а, наоборот, окрепли; мы изгнали девальвацию индустриальной базы социализма и отстаиваем нас от социализма, становится все меньше, но все более грозной становится опасность открытого натиска на страну строящегося социализма со стороны всех враждебных сил. Вот в каких условиях собирается XVI съезд, которому предстоит решить серьезные задачи дальнейшего развертывания коллективизации, дальнейшего укрепления индустриальной базы социализма и наступления на остатки кантаистических элементов в стране. На основе монополярного единства ленинских ячеек, неинтерпретируемой самокритики и беспопытного отпора всем оппортунистическим вылазкам съезд сумеет успешно разрешить свои задачи, став новой вехой победоносной жизни пролетариата СССР к социализму.

Ленинский комсомол со всей отвагой, со всей энергией, творчеством, на основе четкой большевистской линии, должен идти вперед по пути строительства социализма в нашей стране, по пути победоносного развертывания пролетарской революции во всем мире. И в предстоящей борьбе, в предстоящих боях да не состарится молодая душа ленинского комсомола, да не иссякнет его революционная большевистская энергия!

А. КОСАРЕВ.
Из речи на
VI конференции
ЦК ВЛКСМ

КАТАЛИ

В. Медведев

Я не мог с карабином топать,
 Но я знал —
 Кто чушкой, кто наш.
 Я в огне
 Не брал Перекопа
 И не помнит меня Сиваш.
 Есдоб был я тогда ловким,
 Был бы взрослым, мой друг,
 К тому-ж,
 Я, наверное, был бы в Каховке
 Первым из 18 душ.
 Не считал себя виноватым,
 Что не мог я бандитов бить.
 Но и тем, кто родился
 В десятом,
 Есть где силы и ум приложить!
 Я катали при ударной ломе
 И кормлю ненажору-печь,
 Что-ж, что не было суждено мне
 Под Луганском сраженным лечь?
 Ну и что здесь такого? Что же?
 Кто сражался, тому—ордена.
 Больше этого мысль меня гложет,
 Что не додали нам чугуна.
 Если трудно везти на горку,
 А в поджилках буянит кровь —
 Будем реже вертеть махорку
 И растрачивать меньше слов!
 Кто с клинком пробивался к коммунам,
 Завоевываи город, —
 Вот, товарищи, вот к кому назв.
 Уваженье хранить всегда!
 Не считал себя виноватым,
 Что не мог я бандитов бить.
 Но для тех, кто родился в десятом,
 Есть где силы и ум приложить!
 Ты зайди на завод огромный —
 Ну, на рывовский — Централь.
 Ты услышишь дьявольские домы,
 Ты увидишь, как пляшет сталь.
 Но любить эти домы мало —
 Нужно знать, все хода изрыв,
 Что в недолгой тонне металла
 Есть огромный, как шурф, прорыв.
 Если трудно везти на горку,
 А в поджилках буянит кровь —
 Будем реже вертеть махорку
 И растрачивать меньше слов!

Рыково, Донбасс

Волейбол.

Фото М. Маркова.

НА ВОДЕ

В. Луговский

Какая стоит погода.
 Такой полусон на яву,
 Что пнезд рванул из города
 В настоенную синеву.

Где пахнет травой и суглинком,
 Где окуны жмут рыбаки
 И вдально проносится клинкер
 По легкому телу реки.

От зноя в излучинах меланых
 Бодрылся тень — створина,
 И алый народ металлистик
 Проходит гребной тренаж.

Они нагибаются сразу
 И весла заносит влруг.
 Я вижу привычным глазом
 Тебя, беспокойный друг.

Но полдень становится мертвым,
 Когда, ускоряя ход,
 Уходит лугав восьмерка
 Все дальне
 за поворот.

ЛЮДИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТЕМПОВ РАПОРТУЮТ

XV С'ЕЗД ВКП(б) СКАЗАЛ:

ПРИВОДНЫЕ

С'езд обращает внимание на огромную роль комсомола и на стоящие перед ним задачи. Комсомол должен быть инициатором и проводником новых начинаний в городе и деревне по рационализации хозяйства, труда и быта. Комсомол должен быть одним из главных помощников партии в деле проведения ее политики на фронте борьбы с технико-хозяйственной и культурной отсталостью. Комсомол должен быть главным рычагом перевоспитания широких масс пролетарской, бедняцкой и середняцкой крестьянской молодежи в духе строительства социализма и его защиты от всех врагов вне страны и внутри ее.

РАПОРТУЕМ XVI С'ЕЗДУ:

Сегодня в день открытия с'езда, многотысячный комсомольский и рабочий коллектив Тракторостроя снимает с конвейера первый трактор. Комсомол стал одним из главных помощников партии в деле борьбы с технико-экономической отсталостью. На заводах Ленинграда, в шахтах Донбасса, на фабриках Москвы и в колхозах Украины комсомольцы дерутся в первых рядах ударных бригад. Комсомольцы Тракторостроя — лишь один отряд двухмиллионной комсомольской армии. Энтузиазм рабочих и рабочей молодежи Тракторостроя горит в сердцах миллионных масс пролетарской молодежи.

25—26 апреля прошел по заводу тревожный стух: опытные тракторы к сроку, к 1 Мая, не будут готовы.

Ремонтно-механический цех получил задание на выпуск двух опытных тракторов уже давно. Цех полностью оборудован и работает на полном ходу. Он не хуже других понимает значение опытного выпуска: на его тракторах должны быть проверены все чертежи, все детали, все операции будущего массового тракторостроения. Без этой точной лабораторной проверки тракторный завод не может быть пущен 15 июня, к XVI съезду партии.

Так что же можно задержать и сорвать выпуск двух машин в срок?

На ремонтников в заводском дворе стали коситься. Они позорили завод, который взял невиданные темпы, который до сих пор почти все заканчивал раньше намеченных сроков. Ремонтники занимали высокое место в социалистическом соревновании. Неужели они омрачат годовщину соревнования?

Впервые перед всеми заводскими корпусами встала угроза прорыва. Газета «Дальше Трактор» закричала о срыве опытного тракторостроения. Она шестила администрацию цеха, она обвиняла ее в неумелом, иррациональном распределении заказов, она уличала ее в заглушке цеха мелочами. Нет, даже не в заглушке — станки полностью не заглушены, ряд изделий из отстраиваемых машин стоит на простом, рабочие ждут дела!

Но что можно сделать теперь, когда осталось три-четыре дня до срока?

От всех корпусов, от завкомов партии и комсомола, от штабов соревнования протянулись к ремонтно-механической мастерской невидимые приводные ремни. Их энергия привела в движение этот стройный порядок станков, бросила под резцы и сверла сырые куски чугуна и стали, и машины, как люди, крепко сжав челюсти, вцепились в работу.

Ремонтники сохранили хладнокровие. Они отлачивались, когда их спрашивали о тракторах. Это еще больше волновало рабочих: морт его знает, что за ним, за этим молчащим!

И спрашивали уже с тревогой:

— Ну что-ж, тракторы будут?

В механическо-сборочном цехе прикрытые чехлами стояли только-что прибывшие из Америки станки. Их было 112 из 940, на плечи которых завален процесс производства трактора. 112 без остального комплекта могли сделать немного, и они стояли, застыли в немом ожидании соборачки. Но сейчас и к ним подкрадывал горячка. Мобилизованные, они стали в строй. 1 Мая должны выйти два опытных трактора!

Три дня в ремонтном кипела работа. Бригады ударников смешивались, как воинские части на фронте. Несколько инженеров, техников и мастеров трое суток не выходили из цеха. Рабочие других цехов, выходя на работу, изменяли маршрут и делали крюк, чтобы пройти мимо ремонтного, прислушаться к его сердцебиению. Теперь о работе в ремонтном спрашивали, как о здоровье рожденных.

Утро 30 апреля встало над заводом. В этот день решались многие сражения. Вечером должны были быть подведены итоги соревнования: кто станет во главе ударных рабочих колонн. На завтра два трактора должны были выйти на мавку — станут ли они во главе демонстрации тракторостроителей?

Последний день работы решал дело пролетарской чести и гордости.

С утра начали подходить к сборке первые готовые части двух тракторов. Станки были поставлены на высшую скорость, люди — на предельную точность и умение. Еще

Сборка тракторов на Тракторострое.

СВОЕЙ ПАРТИИ РЕМНИ

никто не смел счастливо смеяться, по ушке все были спокойны. Монотонно шуршали трансмиссии, молчаливое напряжение овладело цехом.

В два часа дня на шасси были поставлены первые масти. Сборка тракторов началась. Около четырех тысяч деталей составляют «Интернационал» 15×30 НР. Далеко не все четыре тысячи были готовы замедлять без.

В два часа дня трансмиссии замедляли без, рабочие подыали глаза от резов и сверл наверх, где в затухающем темпе, уже по инерции, вращалась стержень передачи. Он следил еще несколько оборотов и стал.

Рабочие стояли молча, в ожидании, глядя наверх. Сознание катастрофы пришло только через пять-десять минут.

Электрической энергией питают завод пока еще городская станция. Своя, заводская, будет готова только к концу завода. Городская же станция сверху меры перережена — не даром так лихорадочно-быстро строится Стаалгрэс.

Если вы едете из Сталинграда на Тракторострой — 13 километров трамвайной линии — ваш вагон по крайней мере пять раз застрелит на вынужденной остановке: это значит, что волю тока сорвались где-то в городе. Вы равняетесь газету и будете терпеливо ждать, пока она вас не нагонит. Ремонтный цех молча переждал среднюю поруку выключенной трамвайной остановки. Но трансмиссии были вертеться. Через десять минут цех назвали сдержанным бесшумно. Инженеры бросились в заводоуправление. Мастера повисли на телефонах.

Алло, алло! Да отвечайте же, чорт вас дернул! Электростанция? Алло? Электростанция? Что с током? Авария? Авария! Когда же будет ток? Неизвестно? Как неизвестно! Как только познате? Но у нас стоят станки!

Со стоном отрывались мастера от аппаратов. То, что там называлось аварией, здесь — катастрофа. Бесшумно от злости переходило в бешенство от бессилия. Говор, шум, ругань, советы смолкли. Что делать, что делать?

Наполовину рожденные тракторы стояли у ворот, окруженные бледными льдинами. Кончено, пропало! Темп пошел к всем чертам, вверх торшакими. Дни напряженной работы вылетели в помойку. Сроков больше нет. По мертвым проходам вместо толпы в завод вошел позор. План сорван. Ремонтники по чужой вине понесут на себе позорное клеймо. Что делать, что делать?

У стоек собирались группы. Переключили рычаги скоростей: вдруг что еще познать? Один комсомолец со злобой дернул приводной ремень; медленно и уныло дернулся вал и сделал оборот. Комсомолец застыл в немой работе мысли. Ньютон падение яблока обладала не больше зарики.

Через полчаса у всех стоек стояла бригада комсомольцев и руками вращала приводные ремни. Станки работали равномерно и с трудом. Никто не смеет — ра-ба-та-ить! Это стоило невероятных сил — стоять и дергать печальные ремни. В этом не было рекордных темпов. Но в этом была рекордная воля.

Приводные ремни медленно, с натугой вращались. На лицах выступали мелкие капли пота. Цех работал. Руки поднимались, тянули ремень, опускались и снова поднимались. Комсомольцы замедляли электростанцию, комсомольцы давали живые станки, были катастрофы по головам, отгоняли призрак прорыва.

Первого мая два опытных трактора были готовы.

И. Бачалев

ЗАВОД, НЕ ИМЕЮЩИЙ ИСТОРИИ

Н. К—в

Саркв

Как это ни странно на первый взгляд, но сталинградский тракторный завод имени Феликса Дзержинского не имеет истории. Он имеет за своими плечами не историю, а один только год, тяжелейший и великий год напряженнейшего строительства.

Ибо как можно назвать историей нижеприводимые факты? До революции тракторы в России не производились. Впервые в СССР тракторы появились в 1922/23 г., привезенные из Америки, от Форда. В 1924 г. впервые в СССР, в очень незначительном количестве, производили тракторы наивысшего былинский Путиловский завод в Ленинграде. С подъемом сельского хозяйства вынашивается колоссальная потребность в тракторах. В 1925 г. Феликс Дзержинский вносит предложение о постройке в СССР специального тракторного завода, с производительностью в 10 000 тракторов в год. В декабре 1928 г. правительство принимает решение о постройке тракторного завода, производительностью в 40 000 тракторов в год (а при непрерывной работе — в 50 000 тракторов в год). Окончание стройки завода намечается на апрель 1931 г.

Весной 1929 г. начинается развернутое строительство сталинградского тракторного завода имени Ф. Дзержинского, и... 15 июня 1930 г. снимается с конвейера первый трактор.

Как и всякие роды, рождение тракторного завода было сопряжено с невероятными трудностями, боями.

Сколько надо было потратить сил, чтобы преодолеть такого внутреннего сопротивления как попытки некоторых руководителей строительства, зараженных грибок оппортунистического маляверия, растянуть сроки постройки завода! Американские инженеры, привлеченные к технической консультации, намечали абсолютно неприемлемые сроки строительства завода. И чтобы убедить американцев в том, что есть, помимо американизации и скупых темной стройки, еще и темпы социалистические, заводу пришлось целый ряд основных сооружений взять непосредственно на себя, отказавшись от услуг отдельных строительных организаций.

О том, какие темпы были достигнуты в строительстве, могут говорить следующие цифры: если в последних месяцах 1928 г. число строящихся промышленных и жилищ-

но-коммунальных зданий было 16 и на этом строительстве было занято 1854 чел., то через год, в конце 1929 г., строилось уже 55 зданий, и занято было на строительстве 9219 чел.

Нужно при этом учесть, что основная группа промышленных зданий была фактически готова и отселена к ноябрю-декабрю 1929 г. В последние дни на строительстве завода было занято 17 000 рабочих. Вся территория строительства представляла собою сплошной гигантский муравейник, где каждый рабочий делал свое дело, где все было в движении, где было трудно, просто невозможно уследить за всеми процессами великой стройки.

Эта стройка, конечно, создала своих героев. Пожалуй, было бы неправильно сказать, что только бригады ударно работали. Работа ударно велась огромной коллективом рабочих, и это лучше всего можно наблюдать на росте охвата ударными бригадами рабочих кадров. В сентябре прошлого года ударными бригадами было охвачено 30% рабочих, в январе этого года тем было уже охвачено 54% рабочих, а затем — все цехи, все участки, весь завод приняла на себя обязательство: сдать первый трактор с конвейера к XVI съезду ВКП(б) — 15 июня, объявив всю работу на стройке ударной.

Вот отдельные факты рекордных темпов, достигнутых рабочими Тракторостроя. По плану американцев на сборку, клепку и установку конструкций механическо-сборочного цеха отводилось 167 дней. Тракторострой на эту работу наметил 62 дня, а рабочие выполнили ее в 28 дней.

Особенно тяжело было работать зимой. Обычно зиму принято считать не строительным сезоном, и всякое строительство на эти месяцы приостанавливается или сворачивается. Однако, этого нельзя было делать на Тракторострое, и рабочие, помнявшие это само, преодолевая трудности работы на морозе, при ветре, отказываясь от выходных дней и перерывов, клепали и устанавливали

конструкции цехов, стекла палокки и стены, рыли топили и строили, несмотря на то что, первый в СССР тракторный гигант.

КОМСОМОЛЬСКИЙ МАТ

Комсомольский коллектив и рабочая молодежь Тракторострой в первый раз застрельщиками пуска завода 15 июня 1930 г. Когда наступили решающие дни, комсомолю Тракторострой объявил май ударным месяцем с монтажных работ до Комсомолю объявил поход на монтаж. В мае работали на Тракторострой 44 бригады, охватывавшие 1157 чел. исключительно рабочей молодежи. Метод социалистического соревнования масс, и особенно молодежи, был основным рычагом борьбы за темпы и качество стройки. Специально созданная комсомолом газета «Поход на монтаж» в первом же своем номере объявила:

КОНКУРС ПО МОНТАЖУ

Условия конкурса: наибольший процент выполнения сроков договора на одного прогугла, отсутствие нарушений правил внутреннего распорядка, наименьший процент брака, максимально уплотненный рабочий день, снижение себестоимости производимых работ, снижение расценов, стремление рационализаторских мероприятий.

В этот комсомольцы и молодежь удивлялись, утраивали и удесертили темпы монтажа. Примеру молодежи следовали старики. Энтузиазмом заражались сезонники, и удивлялись этому энтузиазму американцы.

В литейном цехе на установку мощных вагранок было дано 16 дней. Ударники установили их в 5 дней. Бригада Батулина, брошенная на установку воздухопроводов, установила их в 4 дня, вместо данных 10—12 дней. Бригада Кочеткова в 24 человека произвела на срочную разгрузку прибывшего монтажа для кузнечного цеха в количестве 15 тонн, сумела разгрузить его вместо данных на это 3 часов в... 35 минут!

Среди отдельных фактов того подъема стройки, застрельщиком которого был комсомол тракторного завода. А их — этих фактов — можно было бы привести тысячи.

Сталучилось в общем так, что от российской отсталости не осталось и следа. Американцы, строительство были достигнуты такие, что американские фирмы не успевали выполнять заказанные для строительства станки и оборудование.

Вот почему глава-американской строительной фирмы, мистер Кан, в своем письме вынужден был признать следующее: «Рабочие и технический персонал в Сталинграде показывают такие результаты, которые не имеют ни одного аналога в нашей стране».

ВНИМАНИЮ СКЕПТИКОВ

Сталинградский тракторный завод имени Ф. Дзержинского, выпустивший в час 15—30-сильные тракторы типа «Интернационал» — крупнейший тракторный завод в мире. Выпуск 50 тысяч тракторов в год возможно только при том условии, если процессы производства будут настолько рационально построены, настолько уплотнены, что когда, ни в каком цехе, ни на одной операции, не будет потеряно даром ни минуты драгоценного времени и темпа.

Вот почему вся организация производства на тракторном заводе создана по принципу так наз. поточной системы. В чем ее отличительные черты? Они заключаются в том, что огромный завод вырабатывает только один тип трактора и запчастей к нему, обеспечивая тем самым массовое производство и тракторов, и частей.

До 4000 частей, из которых, примерно, состоит трактор, большею частью механика и прочей частей (болты, гайки, шпильки, заклепки) производится на других заводах, и около 1200 частей, основных, делает сам тракторный завод. Все станки расположены на являю по цехам, не по роду их работы, как

это делалось раньше на других заводах, а по принципу сокращения передатки и переноски отдельных частей и деталей трактора. Вся переноска материалов и деталей механизирована. Крупные тяжелые части подаются к станкам на тракторах, мелкие — сам скатываются по железкам.

Сборка самого трактора производится на непрерывно движущемся конвейере, со скоростью три четверти метра в минуту. Каждому рабочему около конвейера отводится рабочее место в четыре метра вдоль длины конвейера, и пока трактор проходит около него это расстояние, ему необходимо проделать свою операцию.

Только при такой организации производства тракторный завод сумеет не только изготовить, но и собрать в день 144 трактора, что означает, что через каждые 5½ минут из ворот механическо-сборочного цеха будет выезжать новейший пятицилиндровый трактор.

Скептики (а такие у нас еще не перелились окончательно) скажут: «Ну, во всем сказанном выше нет ничего особенного, чудесного!» Слушайте! Специально для скептиков! Несколько изобретений в тех цехах техники, которые имеются на тракторном заводе. Знание механическо-сборочного цеха имеет в длину 408 метров и шириной 96 метров; потоки и стены — сплошное железо в железо-бетонной оправе. Площадь цеха равна почти 4 гектарам. Когда на Октябрьскую годовщину в цехе было митинг и на нем присутствовало около 10 000 человек, цех казался пустым.

В связи с огромным количеством литых в литейном цехе за день работы должно быть передано железу, стали и металла около 900 тонн. Никакая человеческая сила не может произвести эту работу, чтобы не нарушить производного процесса.

Поэтому для производства этой работы в цехе устанавливаются 18 электрических кранов разной мощности, несколько конвейеров, мешалок, мельниц и др. приспособлений.

В связи с тем, что в механическо-сборочном цехе в 333 самых различных станка, каждый приводится в движение от своего электрического мотора. Что это за станки? Нигде в СССР вы не увидите подобного технического чудотворения. Станки с 30 резцами на сверлящих станки с 51 сверлом, работающие с трех стоек, фрезерные станки с 10 фрезерными и т. д.

В том же механическо-сборочном цехе козеса трактора, после их изготовления, подхватываются особым подвижным конвейером и, прохода 268 метров, по пути погружаются в баки с краской, высушиваются, снова окунаются в краску и снова высушиваются и уже после этого подаются автоматически к тому месту сборочного конвейера, где их надо устанавливать на трактор.

Шесте цехных конвейеров механическо-сборочного цеха вместе равны километру. Кроме, отработанных в молотах кузнечного цеха, отработанных как болтов, так и деталей, место на других заводах, а используется на отопление цехов, коммунальных помещений и пр., чем достигается значительная экономия в расходах по топливу.

ЩЕЛИ БОЛЬШОГО ДОМА

Однако ошибочно думать, что вся великая стройка тракторного завода была сплошным триумфальным шествием по гладкому, как стол, гуадионированному шоссе.

Интуитивная — не ровная дорога, а крутой подъем, на котором много препятствий, рывки, пропасти. Не мудрено, что в огромной армии строителей находятся одиночки, которые, поднимаясь, идут в гору с озабоченным видом, как бы боясь, что сорвут о большой, неприкрытой для них высоте, которые иногда пытаются даже деривировать туца, вниз, поближе к тихой заводи, к низинам, к болоту.

Пространства — не ровная дом, еще не законченной стройкой. Не ураны леса, не оштукатурены стены. Гуляет ветер в лабиринте комнат, прорываясь туда через остекленные пока окна. Из всех щелей дует,

это напоминает вам о том, что стройка еще не вся кончена.

Тракторный завод сегодня подобен большому незаконченному дому, в котором еще еще много вещей, откуда порой сильно дует. Эти щели, дыры, сквозняки, сквозняки, сквозняки — это щели, дыры, сквозняки, сквозняки, сквозняки. Но они еще есть, и о них будет идти речь.

Люди и вещи заполнили эти щели. Людей — больше, вещей — больше.

По вине администрации инструментального цеха сорван был выпуск второго опытного трактора к 1 Мая. Цех не был мобилизован администрацией на эту работу, работа не проводилась удачно, стеногаз молчала.

В некоторых цехах среди отдельных рабочих наблюдаются халатность и разгильдяиство. Есть прогулы. Кое-где прорываются вражеские настроения. Особенно плохо было в середине мая в литейном цехе: часть мастеров здесь совсем не являлась по несколько дней на работу.

В инструментальном цехе у входа висит большая черная доска. Целый ряд выговоров записан на ней отдельным рабочим цеха за прогулы и халатное отношение к работе. Ни кто из них до середины мая (а некоторым и раньше) не являлся (я в марте) лучшей ударной работой не снал своей работы с позорной доски.

Находились (правда, одиночки) такие «комсомольцы», как Воробьев, работавший в бригаде Карелин, который, когда ему указали на недобросовестное отношение к работе, заявил: «Комсомольским билетом я не дорожу, если хотите, я сдам вам его».

Иногда в заводском комсомоле несомо обнаруживаются дилеры, боком проходит к столу парней в спешке и тихо, и молчаливо, с наступившим видом просит секретаря откомандировать его обратно в свою организацию. Причин, как выясняется, особых к этому нет (истинная причина — тяжело работать). Секретарь категорически отказывает и ставит парня. Парень пытается оправдываться и потом... незаметно исчезает из заводского. Не знаю, бывали ли случаи, чтобы эти ребята приходили с подобными просьбами во второй раз.

Таковы они — эти щели большого дома. Сюда, в людские щели, неустанно заглядывает тракторная печать: «Дашь Трактор» и «Б поход на монтаж». На заклепку их бросает коллектив рабочих и комсомольцев лучших своих людей — ударников. С каждым днем все меньше таких щелей.

Щелей, заполненных вещами, — больше. Травмы, врезаются в строительство тракторного завода, делит его пополам. По ленточную сторону высятся четырех- и пятиэтажные жилые дома, уходит вниз по склону низкие деревянные бараки, в пыли на горке, на отшибе, забытым часовым стоит деревянный кауб завода.

Здесь протекает жизнь, свободные часы энтузиастов Тракторострой. Здесь больше недостроенных домов, больше наслух сколоченных барачков, но здесь будет первый социалистический город.

Пусть не смущают вас жестокие сквозняки, дующие из щелей сегодняшнего бита энтузиастов Тракторострой. Здесь больше недостроенных домов, больше наслух сколоченных барачков, но здесь будет первый социалистический город.

Пусть не смущают вас жестокие сквозняки, дующие из щелей сегодняшнего бита энтузиастов Тракторострой. Здесь больше недостроенных домов, больше наслух сколоченных барачков, но здесь будет первый социалистический город.

Скоро здесь будет социалистический город. Сегодня же тут царят хаос стройки, неорганизованность, неполадки.

Десятки бригад и коммун молодежи расставлены в камнях громадах и низких деревянных бараках. Их быт — тяжелый, и много от старого, передаваемого, домашнего.

Эта — новая, огромная тема. И ей в «Смена» еще вернется.

Тракторный комсомол должен поставить своей задачей: окончив поход на монтаж, объявить поход на заделку щелей своего общешестия, щелей, занятых вещами.

НЕТ ПРАВА НА СЛАБОСТЬ

3. Чаган

Очерк З. Чагана рассказывает о людях коллективизировавшейся деревни. Он относится ко времени, когда колхозные движения только стало развиваться. Не всегда это происходило так, как советовала партия: местами подлинный порыв середняка к коллективным формам хозяйствования поднимался административным приказом. Не избежал отдельных ошибок и район, описываемый З. Чаганом. Но и здесь наряду с ошибками была достигнута подлинно героические успехи в деле перепланировки мелкособственнической психологии крестьянской массы и создания нового человека, советского и активно борющегося под руководством партии на колхозной земле.

Задача сейчас заключается в том, чтобы закрепля достигнутые успехи и осуществлять наместной ЦК ВКП(б) план коллективизации, быстрее добиться исправления переживов.

Друзья! Неудивительно, если это письмо дойдет до тебя лишь весной. Я пишу, когда земля ватой покрыта и ледяной востер ее поле срывает с дачи тяжелой тугой. Мы на новой земле. Ховерский округ перекроит в колхоз. Сначала о том, мимо чего пройдет лишь слезой, хочу показать тебе, дядюшко заброшенной оспойки Севра, что делается в казачьих станицах. Да, казаки... Я nämlich думал, что лампасы остались и наши дни на картинках. Первые лампасы, которые я увидел в Урюпинске, были пришиты к шароварам фельдшеника местной газеты. Старик и мальчишка до сих пор любят носить кумач на штанах. Мальчишка и в спиверной бутылке поглядит на хуторской улице очень воинственно. Рядом с мальчишкой с красноармейской звездой на околыше поставь еще кони-дончика — почувшишь тишину на хуторе. Как любит здесь лошадей — нигде не слышал таких ласковых слов лошадям. Районные скачки — это обличье бытоной празднике. Рассказывали про одного бедняка-казака, лошадь которого не могла быть в фаноре. Седобородый, он, чуть ли не лежа на гриве князя, ежегодно прибывал к месту скачек. Мечта жизни у него не сбывалась, он не мог состязаться, он не мог надеяться на победу. Десятки километров на конной своей лошадишке он проделывал лишь затем, чтобы быть зрителем общего праздника. Скрипя сердце горели сухие глаза старика. Так и не участвовал в состязании, где ветер раздувает воздари коней? В дни коллективизации старое сердце не выдержало. Старик так хотел быть победителем, старик так хотел, что и его конь хоть раз в жизни был назван первым. Жизнь проходила, победы не было. Нет, коня старика будет первым! И седой пустился на детскую хитрость. С очередными состязаниями, где был как всегда страстным зрителем, он подыхал к волокон лавке. Он купил там четверть коня, который перед собой показывал ее встречным людям. Получив четверть, казак говорил, что получил ее как отпущен за Пестромордью. Пестромордый злодей отпущен отпущен смеяться, а старик так часто повторял о «четвертой» награде, что чуть ли не сам в это поверил, ибо перестал замечать себя людей и толпы. Но Пестромордый Пестроморд не имеет права быть слабым. Старик хотел быть сильным хоть раз, хоть раз в жизни. Но детская хитрость его сильными не сделала. Приселка коня, который мечту казака. Разве старик лодка скачет? Если так, то почему у него нет надежды взять приз? Разве за годом лет нового года? С пестромордным конем мир кончат-

В колхозе.

Рис. А. Дейнава.

ся? Куда же денутся кони-дончики, что в колхозе? Старина! Скачки будут еще, будет еще состязание. Ведь ты крепок в седле, говоришь... А у нас есть скакуны!

Ага! Так вот оно что? Скакуны, значит, для всех теперь скакуны, если... страшно подумать на старости... если свой Пестромордый тоже станет общим колхозным? Не знаю, как спал ночью старик, не вырвался ли в его мечту о ветровых скачках другой ветер, колхозный, ветер, убивающий старую жизнь... собственность на скакунов и Пестромордыч.

Что интересует нас с тобой в стариковском случае — это, конечно, умение председателя говорить о колхозе, цинпать душу и открывать в ней колхозные точки. Точки эти покрыты столетним наслоением волчьей жизни, жизнь-скакун принадежала горстке, у остальных была князя... и даже не князя. Не трудно понять, что председатель умен, мудер, как говорят крестьяне о бабковитности. Сейчас переключил верхнюю створчку и хотел зачеркнуть слово «дядя», которой нет. Дело не в этом, председатель коснулся сознания, показал казаку его же жизнь, мечту о скачках на дончика. Случай представился незначительный, а для старика ворота в колхоз теперь вагоны, широки. На этом месте хочешь унываться, председатель мог бы поддаться старика и укором: «Эх, мол, старинина, на обман идешь, и борода не краснеет...

Десятки проблем возникают ежедневно, десятки, помимо главной, производственной. На колхозных конференциях, съездах, совещаниях здесь встает круглое слово: «проверить». Докладчики говорят: «Это надо нам проверить». Там, где жизнь приносит новы и что-то неразрешенное и неожиданное, там услышали: «Надо, товарищи, проверить». Организовать людей для совместной работы в поле — это превращается ежедневной практикой дни. Но проворачивать нужно очень многое, проворачивать нужно расплывшую трудную жизнь десятков тысяч людей. Проверить — значит развить людей для совместной работы, изменить отношение к машине, к человеку, к соседу, к жене, проверить сердце соседкинина, разрушить веру в несчастного бога, вырвать ребит из ужасающей грязи и дать толще населению уверенность, что оно продвигает все при уничтожении межи-уничтожа, между и объединя средства производства!

Тут жизнь превращается до самых глубин, и кому, как не молодежи, проворачивать? И вот я вижу вагоны, поезде из разных городов края... Вагоны, переломные комсомольцы. В станциях видел одиночек и целые группы ребят, которые упали сюда из городов.

В колхозе «Ленинский Путь», управление которого на Двойновском хуторе, и избе-читальне собралась молодежь. Собственно, это не избачитальня, не знаю, что это такое, вчера это был черковый амбарик, что ли, или сторожка—помещение надом черковой. В избе холодно, над леури режет глаза, стоят деревянные столы, стол покрыт кумачом, на полу бумажки — только что прислали. Молодежь пришла слушать комсомольца из города. Так и об — впервые на хуторе. Ну, что он скажет? Сколько стоит его курточка? И какая серьезная у него панка? Что он так смотрит внимательно? Смотрит в окно? Надо оглянуться. Нет, он изучает глазами широколицего Петра Колотухина. Молодежь шепчется. Куртка приежого, испытанная снег, дождь, ветер, особенно задевает внимание собравшихся, собираясь попутно ветром перешептывания. Да... Этот сейчас нам что-нибудь скажет. Да, он сказал. Он начал проверять. Он, знаете ли, совсем останется тут на работе. Как его слушали! Как бы слышно движение снега, падающего там, за окошком. Нет, не слышно. Снег летит совершенно бесшумно. Если так, то слышно... но эта самая, что ли, бесшумность, ведь такая тишина. А газет? У слушающих не газет, а сворачивающие в неподвижности шарики. Приезжий организатор пересчитал: не торопясь и как-то ласково, что будем делать в ближайшие дни. Конечно, слова знакомые: подготовиться, сев, пахота, весно-вспаха, зерновоческа, диспансари, трактор, сбруа... Но слова у докладчика все же совсем другие. «Вот, понимаете, в станице огромный колхоз. Вы — молодежь из колхоза. Сегодня, завтра и послезавтра и дальше надо колхоз укрепить, и вы все, сидящие здесь, — первые помощники, участники дела. Надо многое проверить, чтобы весеннее солнце застало нас вооруженными. Я, ты, он, пятый... буквально все имеем один интерес, и сейчас разобьемся на группы. Выделем людей на курсы рулевых, трактористов, подготовим бригадников, группы пловодов, пройдем агрокурсы. Товарищи, нам нужно много проверить...»

Приезжий комсомолец не успев говорить. Да, оказывается у всех один центр.

А еще вчера сидели пари в избе Тимофеева и разгадывали десятки хуторских прозвищ. Тут так: что ни станица, то прозвище, иногда обидное, едкое, а чаще детски смешное, нелепое. Вчера ночью в избе Тимофеева молодое поколение Двойновского хутора перебрало все прозвища и смеялось до слез над кошачниками. Кошачники — так прозывают хутор, что чернет за лесом. Кошачники, как они от стада не удавятся. Ну, уморил мир, ну и отсуслил шучку! В прошлом году или десять... пятьдесят лет назад хозяйка выбрала семя из тыквы, а тыкву провалила задолбуть в противень в печь. Оттернула хозяйка... а копка вошла в отверстие тыквы — там кусок масла лежал, чтобы тыкву промарили. Хозяйка поставила тыкву в печь вместе с кошкой. Сели обдать, разваривать, ну, там кошка... Кошачники! Парня смеются, так, что стены дрожат. Кошачники! Это да, отомчили! Про кошку каждый слышал по десять раз, но расказ всегда смешил всех до слез. И теперь. А сегодня! Докладчик не устает. Он видит, что внимание и напряжение скакнули до высших точек. Надо разрядить напряжение смехом, улыбкой, он говорит:

«Меня действительно много, и все, что я расказал, все никак никак выполнить. Про мелочи не забывать, не упустить основное. А то, вот вспомнил, что слышал оратора, который говорил два часа о строительстве в городе, а когда кто-то спросил, сколько же места занимает завод, оратор ответил, что завод длиной будет в километре и еще в ширину метра в три или даже в четыре. Конечно, мы с вами должны проверить, но... по-настоящему!»

Главы морщины на лице, слушатели заулыбались, напряжение ослабло. Комсомолец полностью владел умами. Мне при-

Сверху — ридовая селка в колхозе Хоперского округа; внизу — селка «Мая-комарки».

лось присутствовать на десятках собраний в округе, слушать сотни ораторов, я видел, как городская молодежная сила проворачивает отстающую жизнь. Видел женоорганизаторов, дракружковцев, либбазников, избачей, библиотекеров, учительниц, секретарей вновь рожденных в колхозах чекек. Видел работу их, первое движение волеи, видел руку, которая проворачивает сотни дел при помощи опыта города. Отряды комсомольцев — начинатели новых путей на селе. Собрания — отравные станицы для новых дел, но из десятков собраний я выбрал то, что было на Двойновском хуторе, и хочу рассказать о нем поподробнее, потому что это даст представление о том, как люди работают в округе. Неожиданные дела возникают, как круги, идут от центра — высокие. Неожиданные загадки встанут, как высокие камни, претражающие движение вперед. На собраниях предлагалось эти камни, прежде всего, хорошо увидеть для того, чтобы ловче, быстрее свалить их и лопить дальше, туда, куда надо.

У меня нет последовательности в этом письме, я выписываю дела, эпизоды не по порядку, от этого не теряться острота многих проблем и не стираться тяжесть работ. Организовать новый труд — самое важное. Нужны специалисты, поляны учителей, счетоводов, бухгалтеров. В колхозе «Ленинский Путь» был бухгалтер из Борногледска.

Приступая к работе, он схватился за голову. Труд тысяч людей при подтигании збои, сроки, часы работы, заработная плата людей, расходи правления, запись лбае, оценка внесенного в колхоз имущества, контроль над работой своих мастеров: швейной, сапожничьей, столярной — это нужно перевести в точные цифры и занести их в строгие графичи, записать в книги. Бухгалтер застал ворох цифр, ворох клочков с непонятной цифирью, бригадники записывали свои цифры о плевом труде... на дощечках, нехватало бумаги. Бухгалтер стал работать, он собрал в помощь себе пять человек, маломаьский грамотных и начал их обучать делу счета.

На работника насаждало правление, сотни справок требовало население, бухгалтер с помощниками работал до поздней ночи. В правлении он говорил: «Поймите, что бухгалтерия — это записи хозяйства». А вы заставляете меня хозяйствовать. Помощники же — люди не книжные, бухгалтерских книг не видели, цифирь путают. А вы хотите, чтобы голова у меня разлетелась!»

Против этого старика начата была в станице кампания: «Он, мол, не работает, а деньги дает ему каждый месяц, да какие деньги? В Дулагте решили не отпускать специалистов продуктов. Специалисты ходят голодные: «Зато у них, мол, деньги есть».

А хлеб они не жали, не селили. Спецсудство всегда обратително! Оно — результат безделья и продукт жестокой тьмы и несправедливости; на селе же, в условиях колхоза, спецсудство просто варварство. Надо создавать тысячи рудневых работников, полеводов, птицеводов, помощников агрономов. Тут же в округе. И вот механика-селемари становится инженером, ибо нет преподавателей, нет специалистов, а какими образом увеличит эти кадры, если на хуторе им и хлеба отказывают? Такое отношение и специалистам — не правильно. Комсомолец об этом говорит собранию. Но не надо злых исключений из правила. Спецсудство — камень — снабить немедленно. Дать работу умелым, честным рукам, которые знают, как и что делать! Уметь делать, уметь организовать, действенные тысяч людей — это и есть наша культура.

Крестянка работает, как муравей по ульствам, но не так, как муравей, она организована. Крестянка в 25 лет — уже старуха от каторжной жизни, от каторжной, гнетущей к земле работничности. Некультурность делает подчас крестянку главным врагом колхоза. На собрании молодежи узнал, как Феоктиста Грушина — жена Михаила Грушина — готовилась идти в колхоз. Когда семья уже порешала вступить на общее жительство, как тут говорит, Феоктиста встала, пошла к лежанке, дождавшись, пока все уягустся, а потом бухнула перекладывая иконки. Мерцала лампадка, вались у женщины иконы прошлой жизни, столетняя тьма давила голову, душила глаза!

— Как это, божке, как это получится, все кони будут общие, на общей пашне, как это будет, просветай, научи и помысли!

Законченная деревяшка в углу с иконкой вседержицы хранила молчанье. До расвета на коленях стояла крестянка, много плакала, а потом на коленях уснула. Но ей не ответить, он немой, дерево — немое, ответить могут люди, комсомолы и комсомолы. Но на хуторе не было вчера комсомольцев, ведь, тут в изба-читальне собрались как раз те, кого именно организовать и подготовить для рядов комсомола.

Приезжий из города организует группу молодых пахарей. Они опять застыли в молчании, без улыбок, суровые. Да, много работы, во всех углах, а углов-то не четыре,

а шесть, восемь, двадцать, не перечислить в каждом работке. Организатору нужно сразу сделать много вещей: объединить молодежь, подготовить, показать, для какой работы и цели все делается. Приезжий шупает глазами собравшихся, он хочет знать качество материала, вот, на соседнем хуторе организовали сейчас из батраков и бедняков, избрали секретаря, а потом болно видеть первое собрание ячеечки. Избранный секретарь знает, что сегодня собрание будет принимать в комсомол новых подростков, на столе пачка заявлений, а когда все собралось и раздался голос: «Мужчина!» — новый секретарь покраснел, бланжила, всматриваясь в эти клочочки, перепорочивал их... и молчал. Когда нельзя уже было молчать, он виновато обратился к заднему скамье:

— Семен, твоё заявление написано на бумажке, что в клеточку? Ты писал чернилами или карандашом?

Трагично, мучительно, страшно конфузливо: секретарь, умный, с кипучей способностью к общественной деятельности, не умея читать и отличить одно заявление от другого. Он разбирал их по внешнему виду. Председательствовать на собрании стал другой, батрак, грамотный. «Но и ты, парень, не мучайся, не краснеть, читать научишься, не беда, что вышка завышка, мы не знаем, что ты читать и писать не умеешь, в месяц-два одолеешь все буквы, они не гири, не тяжёлые. Итак, товарищи, продолжаем собрание. Будем читать заявления» — вот, что сказал организатор собрания позачем на том хуторе, а тут на Двойновском!.

Как с человеческим материалом для рядов комсомола? У приезжего комсомольца городской опыт работы, но все же трудно начать... Нужно сразу брать за десять звеньев, звенья не уступают друг другу — все одинаково важно. Собравшиеся откинулись на спинки скамеек, докладчик кончил. Так вот, что значит состоять в комсомоле? И просто и не просто, и лоб покрывается потом. «Сколько дел, а главное, надо самого себя провентурить», так кончил докладчик. Умница, много знает, много читал, наверное, и вообще крепкий, небось, как кожа. В помещении стало темно, долго возились с керосиновой лампой, она гасла, кончила, полчаски мы налаживали огонек, он

осветил тех, кого надо постронить и двинуть на борьбу за переделку жизни. Вот руки, которые будут проворачивать...

Я режеежаю в другой район. Собрание, о котором я рассказывала выше, было на Двойновском, под станцией Алексиково. Теперь пишу об Алексиково в эту же статью, потому что есть изба-читальня: Библиотекраша-депошка отобрала при мне книги, которые, по ее мнению, должны быть уничтожены — пойти в копилку на заветник, так как эти книги никто не читает и они только мешают, путаются под руками!

Среди заветничных книг оказались учебники по математике, книжка Луначарского «Освобожденный Дон-Кихот», сочинение Мереже, Тургенев и десятка других книг такой же отчаянной вредности. Мне стало холодно... не от мороза, нет, хотя мороз проникла свободно в избу, стало холодно от блеска лезвья, мистических глаз библиотечников.

В соседней комнате сидела букаври, дыла на покрасневшие от холода пальцы, комсомолка-учительница. Ей не платили жалованья целых два месяца, говори, что она может жалеть, она может отказаться от своих идей, тем более, что она еще школьный инспектор района. Учительница обещала посмотреть книги, которые осуждены библиотечкашей на смерть.

А ты рассказывала она, — рассказывай про Москву, видел ли, например, крематорий? Как же это люди горят?

О крематории она спросила случайно. Она хотела буквально все узнать про Москву и буквально — все сразу. Она запыривала вопросы, они как-будто бы сыпалась с кончиков покрасневших от холода пальцев. Как холодно, ох, как холодно... Вечером я видел учительницу, она сказала, что на конференции колхозника. Учительница выступала в пьесе — это был шестидесятилетний вопрос, который она разрешала. И так мы подсадили в эту школу, шла пора работать. Его из зала спросили: «Ты считаешь?», «Да, считал и считаю теперь, что вы пошли куда нам нажимать и двигаться, в какую сторону нам нужно расти, чтобы выйти туда, куда надо».

Его помнили и требовали откровенно псу, не затаивать преини.

На другой день на сапях ехал я из этой станицы в Урюпинск. Путь в шестьдесят километров. Вперед и назад нас, в поле, по дорожке хрустели снегом кони колхозники — крестянки возвращались с конференции. Мороз рвал щеки, сильнее в сапях перекакались словами вчерашней пьесы. Женский крик хлестал по морозу, а потом я услышал знакомую пьесу.

Но где я ее раньше слышал? Так вот оно что! Это ведь «Молодая Гвардия», но звучавшая по-сталинскому. Поющие впервые услышали пьесу на конференции, сейчас передавали ее по-своему, получались конный марш — казачьи помы, так, что слыш гардует; все же пьеса новая, как новая жизнь.

Кончало. В письме хотел записать цвет ховерского дня, общий фон и куски комсомольских дел на этом фоне. Проверять надо много кое... Это делают люди злые, а никто никогда не сказал, что мы имеем право быть слабыми.

Колхозная запашка в Белоруссии. Костюк «Ленинский Путь».

ИЗ УЧЕБНЫХ КАЗАРМ—В ЛАБОРАТОРИИ

БОРЬБА ЗА ПОЛИТЕХНИЗАЦИЮ ШКОЛЫ—БОРЬБА ЗА СОЦИАЛИЗМ

Школа II степени реорганизуется. Реорганизуется коренным образом вся система образования и воспитания. Коммунистическая программа многолетнего технического образования (политехнического) и соединяется с производственным трудом и подготовкой развитых сознательных членов коммунистического общества—этот принцип положен в основу реорганизации. Этим самым мы впервые в истории общества практически ликвидируем тысячелетний разрыв между физическим и умственным трудом.

Маркс, первый указавший на то, что рабочему классу нужна политехническая школа, тут же указывал, что пока существует капитализм рабочим не удастся построить такую школу. А спустя несколько десятилетий, в праздник дня января 1921 г. Владимир Ильич забрасывал свои знаменитые заметки к тезисам тов. Крускойю по народному образованию: «Безусловным заданием поставим и немедленно перейдем к политехническому образованию или, вернее, немедленное осуществление ряда доступных сейчас же шагов к политехническому образованию».

Комсомол ряд лет яростно боролся за эту ленинскую установку. Против схоластики, против буржуазного академизма, против разрыва теории и практики, против отчужденности школы от производства—против всего этого направляли мы главный огонь и еще не время складывать оружие. Ведь у нас еще до сих пор записываются в школах исключительно «знанием» комплекса материала, чтения, писания, рисования и... зубрежки. Подросток прикован к парте (см. правую сторону монтажа), он не знает завода, не имеет даже минимальных технико-экономических знаний и трудового опыта.

Принципиальные позиции комсомола в спорах о системе народного образования были ясны. Партийное совещание четко указало, что нужно перестраивать школу ударными темпами нашей эпохи, что должна быть создана такая школа, которая организует детский труд, вводит детей в общественное производство и общественную работу. Последнее решение Наркомпроса, ЦК ВЛКСМ и ЦК Рабпрос говорит об ускоренном развитии и укреплении фабрично-заводских семилеток, крепко связанных с определенным производством, но дающих одновременно углубленное политехническое и общее образование. Деревенские семилетки на такой же широкой политехнической базе будут готовить кадры массовой квалификации (бригадиры полеводства, колхозных скотовых дворов, трактористы и т. д.). Старшие группы II степени превращаются в техникумы и повышающие профишколы. Осуществлению политехнизации в советской школе должно быть сейчас главным делом и выработка программы, учебников, монтаж оборудования, распределение сил и т. д. Надо повянуть, что дело политехнизации школы приобретает в наши дни такое же значение, как кооперативизация страны, как коллективизация сельского хозяйства. Величайшая историческая задача комсомола и всей рабочей молодежи теперь, когда практически в массовом порядке начинается революционная переделка средней школы, — умело помочь в этом деле, обеспечить подлинное превращение школы в культурно-производительную ячейку, на которую в своей деятельности по социалистическому переустройству народного хозяйства могли бы опираться советские и хозяйственные организации.

Нужно всеми силами помочь тем школам, которые уже перестраиваются и перестроились, заменив парту лабораторией (см. левую сторону монтажа). ФЗУ должны брать шефство над фабрично-заводскими семилетками, помогая им создавать свои учебные пелки.

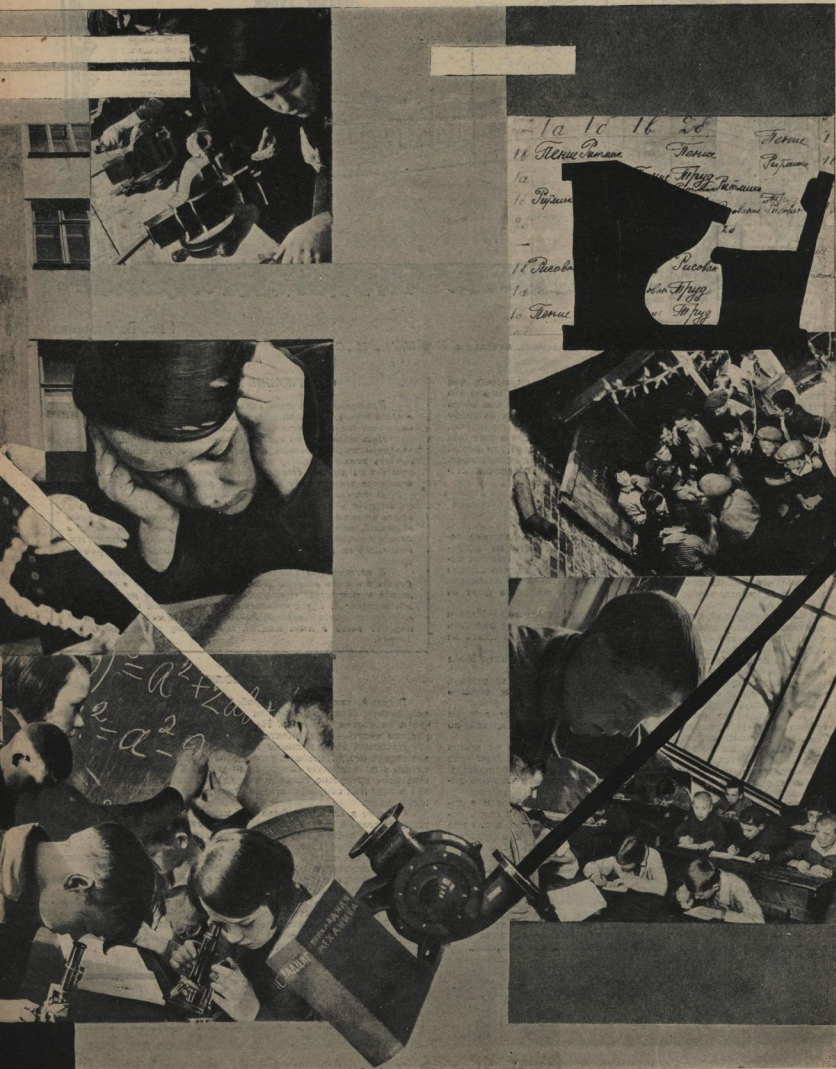
**Безусловным заданием
ПОСТАВИТЬ НЕМЕДЛЕННЫЙ
ПЕРЕХОД
К ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМУ
ОБРАЗОВАНИЮ**

В. И. ЛЕНИН

Политехническая
школы II степени
Переход к Политех
образованию
Материал.
Комсомол
Магистер

Нужно и
Рабочие
Фабрично
Материал
Комсомол

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА!

Людвиг Турек

Перевод Р. Ландау

Рис. В. Люшина

Продолжение, начало см. №№ 13, 14 и 15 «Смена»

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО:

Пролетарский писатель Германии Людвиг Турек рассказывает о своей жизни. Тяжелая, полная лишений, она протекала в многочисленной семье рабочего-папиросника — отца автора.

Нить подростка, он идет в батраки. В деревне он вливает ту же молодую жизнь, работу, однако, от зары до зары. Счастье Людвиг поджидает амбар своего хозяина, но что немедленно изгоняется из деревни. Попадает он мальчиком в ресторан. Здесь, в атмосфере разложения и разврата, он работает за троих.

В типографии, где Людвиг начинает работать с начала 1914 г., он вступает в Союз социалистической молодежи. Первый же год войны вскрывает истинную сущность социал-демократических руководителей, честно несших службу буржуазии. Людвиг переходит в легион противников войны, вступает против бойни и буржуазии, исключившей ее. Война требует нового мяса, и Людвиг забирает в армию.

В последующих главах автор рассказывает о пребывании на фронте и о своем решении дезертировать. Он попадает в руки жандармов и симулирует сумасшествие. Вырвавшись из рук бюрократической полиции, А. Турек отправляется к чехословацкой границе с благоговением своего товарища, Зейгеншюкера. Уже в Голландии он попадает вновь в лапы властей, которых ему также удается обмануть.

КУЦЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Веселый, как молодой воробей, отправился я к гарнизонному команданту. Меня там приняли довольно грубо, но вскоре поняли, что я не совсем нормален. По моему требованию машиниста перестали писать — меня, видите ли, раздражал стук пишущих машин.

Накормил меня мясным консервом и сухарями, гарнизонный командант без дальнейших разговоров отправил беспокойного посетителя в полицейскую камеру при ратуше. К сожалению, еще служале меня прекрасно знали и тотчас же поняли мою игру. Заметив это я перестал симулировать, но было уже поздно, я опять очутился под замком.

Сидевшие в Стендале было для меня особенно тяжело. Уличный шум врвался в мою камеру. Когда проезжал грузовик, я был уверен, что это именно тот, который развозит пиво, тот, где шофером служит мой друг Ганс.

Нет, лучше сидеть где угодно, только не там, где все непрерывно напоминает о потере свободы!

Из гарнизонной тюрьмы меня отправили в Познань, в форт Гродьян. Сопровождающий меня солдатик и дал слово не бегать, чтобы не поводить их. Между Берлином и Франкфуртом на маленькой станции встретили взбунтовавшийся баварский батальон.

— Товарищ! — кричали мне баварцы, — не тужи, скоро всему этому синувство наступит конец!

Я крикнул им в ответ:

Не обратная никакого внимания на мои слова, он сказал, что теперь перейти через границу очень трудно. Даже, если бы мне это удалось, голландцы мигом узнают о нем дезертира. Лучшие всего мне пробраться в Голландию со стороны моря, тогда уже на войну больше не попаду, потому что меня там немедленно интернируют. Тогда же у меня возник ночной план. В семь часов я уже был на вокзале и ехал в Бремен. Для отвода глаз я провел там целый день и только на следующий день отправился в Визельмстафен.

Матросы, отбывавшие билеты, требовали у приезжающих паспорта. Я подождать, пока пропустят всех пассажиров.

— Ваш паспорт?

— Я не знаю, что здесь нужен паспорт.

— Зачем ты вообще приехал в Визельмстафен?

— Я хочу пойти добровольцем во флот!

Матросы громко расхохотались. Меня отвели во флотские казармы, дали койку, обмундирование. Ничего похожего на магдебургскую казарму! После обеда я пошел гулять с несколькими матросами в Визельмстафен и открыто рассказал им, что служил в армии, что был на фронте, что собираюсь махнуть в Голландию. Я вовсе не хотел, чтобы они думали, будто я пошел во флот из патриотизма.

— Не воображай, что это так легко! — сказали они мне. — Неделю тебе назад поймали шесть человек, которые хотели в лодке проехать туда! Если бы это было так просто, пожалуйста, здесь бы никто не отстал!

Через несколько дней меня направили к капитану Шиндту. Меня страшно поразило его товарищеский тон:

— Послушайте, Турек, вы уже были на фронте, были ранены, не могу же я вас отправить к новобранцам! Идите пока обратно в 76-ю команду!

В 76-й команде собралась избранная компания! По вечерам громко пели «Интернационал». Очень многие из моих друзей по 76-й комнате впоследствии очутились в тюрьме...

Весь строй жизни во флоте существенно отличался от жизни в армии. Мне кажется, это объясняется тем, что матросы не дают себя в обиду. Среди них гораздо сильнее развит дух товарищества. В 1917 г. у них во флоте был бунт. После этого они многого добились.

Дни шли за днями. Мне надоело в Визельмстафене и я довольно сухо сообщил капитану Шиндту о своем желании ехать домой. Он шуточно заметил, что очень уж быстро я сдаюсь, и дал мне билет до Стендала, указав как цепь поездики явку к окружному команданту Стендала.

— Странно, — сказали мне, когда я пришел в командантское управление, — сначала вы были в армии, потом во флот. Вы были ранены?

— Да, невозможно, легло.

— Ага! Что же вам здесь нужно?

— Не знаю, думаю ехать на фронт!

— Глупости! Отсюда мы никого не посылает на фронт!

После долгих бесплодных разговоров мне предложили идти к гарнизонному команданту и ждать дальнейших распоряжений.

— Да здравствует мир, да здравствует революция! Ура! Ура! Ура!

Если бы не слово, которое я дал моей страже, я бы примкнул к баварцам.

По прибытии в Грольман первую неделю я присел в одиночку. Единственным утешением была надежда на революцию.

31 августа я предстал перед военным судом. Моё дело заняти-ресовало судей лишь с той минуты, когда я громко и ясно заявил, что скоро наступит революция и сметет все существующее.

Председатель резко засмеялся. Присутствующие приседалились к нему, видимо, решив засмеять моё выступление, но когда я ска-зал: «Короны полетят на мостовую», председатель строго потребо-вал, чтобы я замолчал.

Защитник, смаявшись на мою молодость, требовал смягчения при-говора. Его слова были приняты во внимание: меня приговорили к одному году шести дням заключения в крепости.

Положение заключённых в форте Грольман было ужасно—в подавляе нас сидело 24 человека, дышать было нечем, «параша» без крашки распространяла невыносимое зловоние.

Матшей, крас, вишей и блох у нас было больше, чем хлеба. Осо-бенно доминировали виш. У одного из товарищей по камере все тело было до того раздрано, что он буквально не мог пошевелить ру-кой от боли. Местами съезь гиоисал. Он не в состоянии был ни стоять, ни лежать и все время тискал. Мы с отращенными отщипывались, когда бедняга снимал пропитанную грязь и кровью рубашку. Заметив это, он целый день не выходил из своего темного угла нашей камеры.

Среди заключённых был и сфинитик. Только после невероят-ных скандалов ему удалось добиться врача. Тем же месее из на-шера его не пересели. На всю камеру выдавалось два ведра воды в день. Голод мучил нас постоянно. Заведующий хозяйством за счет 250 заключённых откармливал шесть свиней, и всем было хорошо известно, что свиной кормил несравнимо лучше, чем нас.

Питеро из сидящих в нашей камере решил бежать, в том числе и я.

Нужно было много терпения, чтобы перепилить толстую ре-шотку, но мы энергично занялись за дело. Работы оставалось еще на одну ночь, как вдруг двое из замышляющих побег были поса-жены в карцер.

За попытку бежать нас всех перевели в Шпандау. Если тюрьма в Познани была ужасна, то крепость Шпандау оказалась несравнимо хуже.

Меня перевели в час ночи, и тотчас же при обыске надиратель удалил кулак из груди. Три дня провел я в камере, где на 16 кв. метра помещалось 26 человек.

После этого партию в 20 человек провели по длинному по-двальному коридору и разместили по камерам.

Мы вставали в пять часов утра, и в тюремном дворе нам разда-вали хлеб, причем строго воспрещалось съедать его раньше де-вяти часов.

Однажды какой-то ревизор-мучитель явился к нам через че-тыре часа после раздачи хлеба, чтобы выяснить, кто нарушил предписания. Из трехсот человек сто съели половину своей порции, а двадцать уничтожили весь хлеб. Ревизор избил их за это, а остатки хлебного рациона растоптал ногами.

— Навоз будете завтра жарть, собаки! — кричал он. — Сволочи вы этакие!

Немало заключённых в Шпандау умерло от истощения, проле-жав предварительно несколько дней в тюремной больнице.

Десять часов в день мы работали на ружейной фабрике под охраной вооружённых солдат.

Когда пролетарий несет свою тяжелую работу на предприятиях, где его эксплуатируют капиталисты, единственным утешением для него являются краткие часы отдыха. Мы, заключённые, и этого были лишены.

Иногда отчаяние измученных людей было беспредельно, и они, как мертвые, валились на спон койки. Меня же поддерживала како-то внутренняя сила — надежда на революцию. За несколько месяцев пребывания в тюрьме я страшно ослабел и в Шпандау уже едва-едва мог подниматься по лестнице.

Я знал, что революция должна наступить, но когда, когда? Лежа на своей койке, я грозно сжимал кулаки.

«Будьте вы прокляты, мучители! — думал я. — Пусть только наступит долгожданный день!»

Он наступил раньше, чем я думал. 7 ноября 1918 г. после разда-чки хлеба нас не повели на фабрику. 8 ноября повторилось то же самое.

Никогда не забуду, что произошло в этот знаменательный день. В пять часов вечера недалеко от тюрьмы раздались ружейные зал-пы, и затем у самых ворот крепости послышались громкие крики: — Свобода! Хлеб! Революция!

Как наэлектризованный, схватил я табууртку и стал бить стекла.

— Товарищи! — крикнул я. — Мы должны выбить дверь, мы должны вырваться на свободу!

— Раз, раз — еще, еще! — Дверь не поддавалась. Волнение росло с каждой минутой.

— Где проклятые тюремщики? — кричали заключённые. — Где наши мучители? Долой их! Долой!

Наконец дверь выбита. Измученные лица неузнаваемо — за пол-часа до этого апатичные и покорные, они теперь возбуждены и жаждут мести...

С громкими криками вырвались мы на свободу. Я стал бешено

звонить в колокол у ворот, пока не оборвалась веревка. Затем вы-бежал из ворот тюрьмы, радостно крича:

Революция! Революция!

Невыист, злоба, презрение к мучителям, жажда мести—все сил-нось в этом воле.

— Где они? Где негодни? Я переломаю им кости! А нука, бан-диты, попробуйте связать меня, я перегрызу вам горло!

Вместе с другими товарищами и жителями Шпандау, держа в руках большие кухонные ножи, направилсь мы к ратуше.

По дороге я отнял саблю у какого-то старого ландштурмиста и вскарабкался на проезжающий грузовик.

— В Берлин! Говорят, там еще есть верные императору войска, которые стреляют в женщин и детей. Мы им покажем, иерравнам!

В таком состоянии явились мы по улицам Берлина и всюду встречали такое же настроение, какое было у нас.

С грузовика я перешел на броненик. Нигде не оказалось при-верженцев императора. Берлин был в руках революционеров.

«Хотелось бы знать, как обстоит дело в Стендале», подумал я. Это намерение не легко было привести в исполнение. Путь по-казался мне несерийно дальшим. Часть дороги я прощел пешком по шпалам, затем сел в поезд и наконец приехал в Стендаль. В вок-зальном здании помещался совет рабочих и солдатских депутатов.

— Где полковник Круазе? — спросил я.

— Матросы бросили его в Эльбу! — гласил ответ.

— Bravo!

Позже я узнал, что ему, к сожалению, удалось спастись.

Я отправился домой, но застал только совет. Отним был в Бер-лине, мать должна была вернуться к обеду. Я пошел ей навстрелу.

Хотя мы не выжидали всего полтода, она меня не узнала.

— Да неужели же ты не узнаешь меня?! — крикнул я.

Она заплакала.

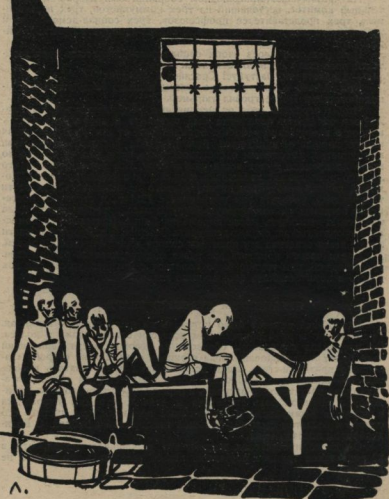
— Какой у тебя ужасный вид, Людиг!

Мы побежали домой. Я уничтожил великолепный жареный кар-тофель, когда постучали в дверь. Это пришла мой старый друг Теодор Гофман. Мы расцеловались. Он мне сообщил, что давно чув-ствовал приближение революции, и в последнее время служил в же-лезнодорожных войсках в Бельгии и Рейнской области. После отпу-ска он также не вернулся на фронт.

Совет солдатских депутатов назначил нас с Гофманом комен-дантами лагеря для военнопленных. Мы надели красные кокарды, как называли неудовольствие фельдфебеля. Он не мог удержаться от ядовитых репей по этому поводу. Нас это взорвало, мы его зару-гали и ушли. В совете нам заявили, что пока нет достаточного количества молодых людей, нельзя увольнять старых служащих.

Пришлось вернуться обратно в лагерь.

Сидение в Стендале было особенно тяжело.

— Зачем ты вообще пришел в Вальтерсбергфелд? —

В газетах писали о том, что в Берлине идет борьба спартаковцев. Я точно не знал, кто ни такне, но вскоре мне попалась в руки прокламация, где все было подробно разложено. На следующий же день я сел в поезд и поехал в Берлин. Это было несладко до рождения. Я слышал стрельбу, видел людей в шлемах, но со спартаковцами мне не удалось войти в контакт, и я вернулся домой.

Позже, 16 января 1919 г., я узнал, что Роза Люксембург и Карл Либкнехт убиты.

Однообразно тнулись дни. Работу наборщика было очень трудно найти. Я пробава занимался коммерческими делами, и, хотя это казалось выгодным, почувствовал, что эта работа не по мне.

Хвостеное приложение к газете от 13 марта произошло на меня неожиданно. Впечатление Капп появилось в Берлине.

Я бросился в профсоюз. Через несколько часов на многих мероприятиях прекратились работы.

На чрезвычайном многолюдном собрании был избран исполнительный комитет, состоявший из трех коммунистов, трех независимых, трех представителей профсоюзов, трех социал-демократов и трех буржуа под председательством социал-демократа Эрнста Бранденбурга.

Приветствие через своих социал-демократических представителей призывало ко всеобщей забастовке:

— Пролетарии, бастуйте! Спасайте положение!

Они забыли о том, что еще совсем недавно бастующим железнодорожникам Носке грозил тюрьма.

Чтобы оградить себя от неприятных неожиданностей, на ближайшем заседании исполкома был выдвинут и проведен в жизнь вопрос о вооружении рабочих Бранденбург, от которого я не ждал ничего хорошего, принужден был поневоле согласиться. Но нам, коммунистам, выбранным в исполком, было ясно, что они только до поры до времени будут вести такую игру. Все хорошо знали, что дружно проведенная забастовка приведет к поражению Каппа. Конечно, социал-демократам ничего другого не оставалось, как вести ту политику, которую они применяли с 1914 г., и стараться постепенно погашать революционную энергию масс, которая должна была неизбежно вспыхнуть после поражения Каппа. Деятельность комсара правительства, социал-демократа Зверинга, в Рурской области лучше всего осветила эту политику социал-демократических вождей.

Среди членов комитета все резко обнаруживались разногласия. К сожалению, нам трудно было бороться с Бранденбургом, так как у него в комитете было большинство голосов.

ОРГАНИЗМ КРАСНУЮ ГВАРДИЮ

Ближайшей задачей прилежно занимался наш ступорный гарнизон. Бранденбург в этом вопросе был весьма настойчивым и коварным. Он рассуждал следующим образом: не сегодня-завтра капповский путь будет ликвидирован, тогда гарнизон окажется на стороне законного правительства. Надо всеми силами предостеречь внешнее вмешательство вооруженных рабочих. Когда большинство голосов населения было посвящено ему участие в переговорах с гарнизонами, Бранденбург разглагольствовал роль смельчака и заявил, что сам отправится в казармы. Коммунисты и независимые понимали, что пустяк его одного в солдатах было бы большой тактической ошибкой. С Бранденбургом послал меня.

Он долго протестовал, уверяя, что я слишком молод, что в 22 года такое трудное поручение нельзя выполнять, но ничего не помогало.

Чем ближе мы подходили к казармам, тем яснее было, что здесь принимаются меры на случай выступления вооруженного протариата.

У ворот трое солдат спросили нас о цели нашего прихода. Ждать пришлось долго. Наконец появился майор, начальник гарнизона, сопровождаемый несколькими офицерами. Бранденбург сообщил, кто он. Тогда майор резко спросил, кто я представляю собой. На это я громко и резко ответил, что делегирован стейдальскими рабочими для выяснения вопроса, какое положение собирается занять гарнизон в отношении капповского путча.

Майор ухватил от прямого ответа и неожиданно потребовал, чтобы рабочие сдали оружие. Я был до того возмущен, что тотчас же крикнул майору в лицо:

— Не смейте! Этого расказа не существует!

Взвешенный мной ответом, он угадал, чтобы посоветоваться со своими офицерами. Ждать пришлось долго. Затем он вернулся и отпустил нас, не дав никакого ответа.

Бранденбург остался с носом. Среди рабочих же началось необычайное оживление. Из Тегернбюнде нам сообщили по телефону, что через два часа 500 вооруженных рабочих готовы двинуться в Стендаль. На городской башне (метрах в 700 от казарм) были установлены пулеметы. Рабочим раздали ручные гранаты, 800 вооруженных рабочих готовых были сразиться с 400-500 нарядом трусимицами наемниками. Мы твердо решили провести осаду. Уже два дня как водопровод был закрыт и свет выключен. Но что еще важнее: у гарнизона не было ни хлеба, ни топлива.

Кроме того, мы решили привлечь на свою сторону солдат и добиться ареста офицеров. Небольшая группа рабочих, под предводительством коммуниста Буринга, отправилась в казармы. Карательные вступили их беспрестанно, так как решили, что это делегация. Буринг произнес слова так заигрывательно, решив, призывая их восстать против офицеров. Вскоре после этого солдаты действительно арестовали всех своих офицеров.

Тогда-то Бранденбург начал открыто действовать: во-первых, он добился того, что офицеры, о блага которых он охотнее заботился, были перевезены в Маргдебург, где их потом освободили; во-вторых, на следующий день ратуша и рыночная площадь были заняты солдатами под предводительством Бранденбурга. С арестованными интеллигентами стояли они против соборщиков протариата. В Стендалье. Всеобщее вооружение не имело границ. Но разве социал-демократические лидеры считаются с возмущением рабочего класса?

В Рурской области протариат боролся против генерала Ваттера. Я записался в один из батальонов, отправившихся на этот фронт. Какие-то тридцать человек представляли собой Красную армию! 500 тысяч пролетариев под ружьем, и все испытанные в боях люди! Бескомпромиссной лентой тянется артиллерия, непрерывно раздается песня «Интернационал».

Развешены красные знамена. Жители и дети выглядывают из окон домов и восторженно приветствуют нас.

В Динслакене ночем. Один день отдыха, а дальше идет всеюду следы борьбы. Нам обстреливают броневики. Пускаем ракеты, чтобы определить местопребывание неприятеля. В десять часов вечера начинаем бешеную атаку, засыпаем врага ручными гранатами, выбиваем его из окопов. Наши санитары подбирают убитых и раненых. Нам раздают еду. Ложились спать. Среди ночи слышим одиночные выстрелы.

Утром солнечное утро. Получаем кашку, хлеб, сало, папиросы. Наш отряд интернационален. У нас много русских, бывших воюющих. Какой воинственный вид у красногвардейцев! А ведь это все молодежь! Опять атака. На этот раз утретения. Палуба с обеих сторон! Победа на нашей стороне — у нас всего трое убитых и несколько раненых, у неприятеля — тридцать убитых и раненых.

Всеми силами старается генерал Ваттер, с помощью социал-демократа Зверинга, «предостеречь дальнейшее кровопролитие». Они боятся Красной армии и всячески стараются ослабить силы рабочих. Но протариат только там едет оружие, где нет другого исхода, — где реишвер занял местность и отнимает оружие у рабочих.

Рурский протариат на эти насилья отвечает новой всеобщей забастовкой. Срок сдачи оружия отсрочен.

Большая часть Красной армии все-таки уничтожена усилиями Ваттера и Зверинга. В ее ряды внесена дезорганизация, разложение, переселение в сторону колоссальных сумм. Так, например, у Динслакена нас было 16 красногвардейцев против уаестерного числа неприятельских солдат. Мы скачем по полям и лугам под градом пуль. Проверяем лес. Преследователи отступают. Мы в относительной безопасности.

Почему на постоялом дворе. Товарищ будет мне. Скорее, скорее в путь! Солдаты Носке недалеко. Опять раздается стрельба...

В рейнских городах население восторженно приветствует красногвардейцев, но в Дортмунде нас уже очень мало.

Наступили страшные дни. Судя свидетельствам, каждый из командиров считал себя полководцем судьбы. Повзвонив рабочие заставляли петь патристические песни. С рабочими, о которых я знал, что они боролся против Носке, не стеснялся. Их забирала прямо из дома и тут же расстреливали, иногда по 50 человек одновременно.

Соборщики встали без террора в Берлине. В Уинне меня арестовали. нас насидело 14 человек. Каждый час нам сообщали, что мы скоро будем расстреляны. Часов в два дня явился офицер и заявил:

Мы мчались по улице Берлина.

В ЛИТВЕ

Когда белая Польша объявила войну Советской России, я работал на ставленнином заводе Хеша. Немного думая, я и мой товарищ Бельзель решили пробраться в Россию, чтобы поступить в Красную армию.

Мы поехали на Берлин—Данциг и наконец очутились в Инстербурге. Отсюда уже до границы рукой подать, но, говорят, она очень строго охраняется. Делаем привал в лесу. По карте выходит, что нам остается не больше трех километров. Точно установить направление мы не можем. Во всяком случае, надо идти значительно южнее.

Неуверенно идем вперед. Раздается выстрел. По нашим расчетам граница должна быть в двух километрах отсюда. Бродим еще два часа, а границы все еще нет. Опять выстрелы.

Наконец мы видим ров длиной в два-три метра. Я в себя от радости. Несомненно, это и есть граница. Мелькает последняя немецкая деревня. Издали видим жалкие хижинки, крытые соломой.

— Где дорога на Суваляки?—спрашиваю я пожилого крестьянина.

— Дай табакку, пане,— отвечает он.

— Даю ему несколько шепоток табакку и узнаю, что надо идти прямо.

Идем лесом, разговор вертится на тему о том, что Красная армия недавно сражалась между Суваляками и Августовом. Наконец видим издалека деревню, уже не чувствуем ни голода, ни жажды,—желанная цель так близко!

Оживленно говорим о том, что сейчас же оба записнем в артиллерию, и горе врагам Советской России!

Вот и Суваляки. Ускоряем шаг.

— В Суваляках—русские?—спрашиваем мы крестьянина по дороге.

- Да.
- И русские военные?
- Да, в ночные.
- А литовцы есть там?
- Есть.
- А польские солдаты?
- Да.
- Ничего не понимаю.

Входим в город и спрашиваем еврейкузнецов, есть ли большевики в Суваляках.

— Да, да, идите на площадь, потом по улице направо, там живет большевик, он вас поведет, куда вы захотите!

Какие-то вооруженные молодые люди подозрительно оглядывают нас.

Может быть, это поляки или литовцы.

Дело не загло, лучше убраться поброду, поздорова. К сожалению, уже поздно. Из боковой улицы нам навстречу идут вооруженные люди и по-немецки требуют, чтобы мы последовали за ними. В командире нам становится ясно, что мы попали в руки литовцев. Кроме нас, допрашивают еще трех немцев и одного русского. Мы оба гораздо лучше одеты, чем они. На мне новые сапоги, куртка военного образца, совершенно новые брюки. Товарищ Бельзель в солдатской немецкой военной форме. В мешке у меня много книг: «Коммунистический манифест», «Антикаутский» Троцкого, сочинения Плеханова и Розы Люксембург.

Допрос начинается.

Окончание следует

— В шесть часов утра вы будете расстреляны.

Я пронулся в четыре часа утра. Было еще совсем темно. В бутылке на столе горела свеча. Я быстро обрешивал свой бумажник: удостоверение стенографического инспектора, партийный билет,—словом, масса компрометирующих документов. Я решил их уничтожить во что бы то ни стало. К счастью, мне это удалось. Затем я написал на открытке с видом дортмундского вокзала:

«Дорогие родители! Еду домой. Попал сюда в ужасное время. Если бы я это раньше знал, то, конечно, не поехал бы. Работы здесь не получают». Привет. Людвиг.

Не прошло и получаса, как явился офицер и стал обшаривать арестованных.

— Зачем вы приехали из Стендала в Вестфалию?—спросил он.

— Искать работы.

— Разве вы не знали, что здесь происходит?

— Понятия не имел!

— Нечего омаи врать! Вы приехали сюда, чтобы поступить в Красную армию.

Я рассмелся. Офицер посмотрел на меня испытующим взглядом и сказал:

— Вас видели с оружием в руках!

— С октября 1918 г., со дня моего ранения, я не держал винтовки в руках.

— Куда вы были ранены?

— В левую ногу.

— Покажите.

Он прочел мою открытку к родителям и, повернувшись к нам, стоявшим налево, сказал:

— Немедленно уберите вас отсюда. Если мы вас вторично поймем, то расстреляем без всяких разговоров!

Мы тотчас же исполнили приказание. В два часа ночи поезд уже мчал меня в Стендал.

В эту ночь мой приятель социал-демократ Бранденбург тоже вынужден был путешествовать. Надо сказать, путешествие было не из приятных. Группа товарищей вылезла к нему в три часа ночи, и почтенный социал-демократ поехал в автомобиле в одном только нижнем белье. Ехать пришлось всего пятнадцать минут. Злые языки утверждают, что путешественники собирались утонуть в Эльбе, но вместо этого поехали на несколько дней в падалв. Там он имел полную возможность обучить всю свою деятельность. За это социал-демократы поехали в тюрьму нескольких коммунистов.

Вскоре Бранденбурга выпустили целым и невредимым.

Майор упустил от прямого ответа...

АНТИ НЕСИТЕ ЦВЕТЫ ГЕНИУ

С. Черня

В Индии для британского правительства готовятся серьезные затруднения, если не всеобщее восстание...

К. Маркс, 19/II—1881 г.

«...В той же старой Индии, где издавна 300 миллионов человек английских батраков, производится томление и с каждым днем растет революционная сознательность... Все они смотрят на одну звезду—на звезду Самойти революциониста!»

В Ленин, Речь на съезде трудовых кавалеров.

Индия нужно пускать прямо!

Консерватив
Солдаты

Стабкование индийской полиции с националистами в Бомбей.

Молодежь Индии находится ...— это молодых традиций, которые вытравливают юношеский пыл и высасывают юношескую энергию, заставляют молодежь быть послушным рабом религиозных предрассудков и казнь обывачей.

Кто хочет заниматься стачкой бомбейских текстильщиков?!

Кто заинтересует героическим поведением железнодорожников великой Полуостровной дороги, бросающихся под колеса шпайр-рехов?

Кто хочет заниматься эпией синтетикой-делами, когда «душа индуса горит неугасаемым огнем душевных раздвоений»!

Так учат брамины.

...Брамины говорят:

— Бог Шива,—разрушает и созидает.

— Брамины говорят:

— Богиня Кали,—его жена.

Брамины говорят:

— Гениц,—сын Шивы и Кали.

Брамины,—зреть, поубог. Брамин знает, что говорит. Он подымает свою руку по направлению к чудовищу и объясняет:

— Бог Гениц посылает счастье молодежи.

Путь этот Гениц создан из камня и дерева! Его голубое бородо отвисает складками и человеческое туловище вырастает в голову слона. Путь...

«Бог Гениц—покровитель индусской молодежи.

И сотни, тысячи молодых индусов, загорелые тела которых прикрыты куском тяжелой ткани кодра,—несут цветы уродливого издому и молят его о своем счастье. В деревнях Бог Гениц оседлается крестьянской молодежью. В городах—ремесленной и студентической молодежи.

Только миллионы молодых парней—индусов из каст, нечист и черны, по учению браминов,—не поклоняются богу Геницу.

Религиозные обряды и вековые традиции создают кровавые обряды сект и каст. Есть ли в любой другой стране такое множество обожествленных предметов и животных, как в Индии?

Самые знаменитые города Беналес и Касси прилегают к тысячам валликов пингвинов. Священна река Гауг, так же как священна индийская корова, которую никто не имеет права тронуть. Смертельный укус ядовитой

змеи индуса почитает за благо, ибо корабль—свадхия. Священна книга Пураны предсказывает индусскую женщину в безработную рабыню своего мужа...

И только уличным нищим ногам, «размытым» в грязь, на горячих углях или острых шпихах, только им «понятен» смысл индийской души...

Индия—страна неразгаданных чудес и великого труда. Хитривки британского империализма превосходно используют религиозное затмение индусских масс. Империалистические захватчики впадают в корону его величества короля Великобритания сверхчужую жемчужину Индии, в которой отражается золото и руда, хлопок и чай. Жемчужина дала трещину...

Нищета, имена и порабощение — вот их участь, вот весь их мир.

Эдуард Скаулер

Жемчужина дала трещину, и весь мир увидел звы человеческой нищеты, бедствий и чудовищного угнетения.

В Индии 1800 тыс. рабочих. Из них на плантациях занято 800 тыс. человек. Это рабочие, официальные цифры. В число рабочих входит сотни тысяч детей от 9 до 12 лет. На чайных плантациях в Ассамской провинции работают дети, начиная с трехлетнего возраста.

В индусской промышленности занято всего 225 172 рабочих с 9- до 14-летнего возраста. На полевых работах, на чайных и хлопковых плантациях занято 126 тыс. детей. Трехлетних ребят приучают собирать чайные листья с деревьев. Шестилетних—складывать листья и подросток—таскать тяжелые корзины.

На джутающих предпринятых в Бенгалии работает 39 286 детей. В одном промышленном городе Мадраде детей составляют 21% всех рабочих. На бомбейских фабриках после обследования выяснилось, что 50% всего состава промышленных рабочих—молодежь от 9- до 18-летнего возраста. Из них 74% работает 10 часов в день и выше и только 26%—9 часов в день. В многочисленных местах предпринятых рабочих детей молодежь равен 12—14 часов.

Молох капиталистической рационализации пожирал в Индии все большие массы молод-

дежи. Детский труд наиболее дешев и наиболее бесцелен в представлении англичан. Вот почему даже в рудниках и шахтах Союзинских провинций занято 10 тыс. детей до 10-летнего возраста.

Бесплатной рабочей силой пользуются на чайных плантациях в Ассаме подростки получают от 5 до 7 рупий (в среднем 6 р.) в месяц.

Но английским колонизаторам и туземным крупным землевладельцам, Они приспосабливаются к голому капиталистической рационализации буржуазных стран и вторят им, требуя повышенных темпов. Но темы могут быть разными, в зависимости от условий. Рационализация на индусских предпринятиях заставляет полуголодных рабов работать не коннее. Рационализация систематически не доходящего человека заставляет при старых машинах и способах производства работать, аместо этого, на четырех станках. Рационализация выразилась в том, что в джутающей промышленности установлена шестидневная рабочая неделя при той же годовой зарплате.

В грязных, захваченных человеческой кровью кварталах индусских городов частые гости чума, холера и другие заразные заболевания. В Индии условия труда и условия жизни создали рекордную для всего мира цифру средней продолжительности человеческой жизни.

На первом году жизни в Англии из тысячи человек умирает 172. В Индии из тысячи человек на первом году жизни умирает от 572 до 828 человек. В 1901 г. средняя продолжительность жизни индуса равнялась 25 годам. В 1921 г.—средняя продолжительность жизни уже была равна—22 годам.

Нищета и голод, эксплуатация и угнетение заставляет индуса говорить о своей стране: «Вся Индия ходит с пустым желудком».

Но ко всему этому еще добавляются религиозные извращения сект и каст.

Брамины впадают из голода бога. Валоня, земледельцы,—из рух его и судры—ремесленники и обрабатывающие землю—из ног его. Парин—ничет. Парин—индусские вышаруруты из каст.

И что значит быть вышарурутым из каст? Это значит, быть обреченным на вечное презрение и унижение.

Индусы различных каст по-разному реагируют свои лица и тела. Закон касты не позволяет индусу-сапожнику жениться на дочери индуса-саебра.

Девушка в Индии оречена с ранних лет быть безработной рабой своего мужа. 6-7 летняя девочка уже просватывается и по достижении 10-летнего возраста становится женой своего мужа.

Священная книга Пураны предписывает женщине: «Пусть муж ее будет калекой, пожелам, изувечен, пьяницей, ненормальным, картежником, раступником, бегущим за чужими женщинами, пусть он будет даже глух и слеп,—словом, пусть он будет полон дьявольских наводнений, все-таки жена должна считать его своим богом. Все ее внимание должно быть сосредоточено только на нем. В случае, если муж умрет, она должна согласиться умереть вместе с ним».

Книга браминнов помогает колонизаторам половому индусского народа превратить в послушное слепое орудие варварского закона.

● Они ревели, умиротворяли и сражались, чтобы над высочайшей крышей Индии развевался наш флаг.

Из песни английских солдат.
О, как многочисленны были враги. Так многочисленны войны воинов его призыва и отклик.
Лорд Тевисон, поэт Англии.

В 1857 г. в Индии произошло восстание. Восставшие крестьяне, К ним присоединились туземные войска. Англичане расправлялись с повстанцами жестоко. Над Индией продолжал развеваться флаг «Джек Юнион».

В 1921 г. под непосредственным впечатлением Октябрьской революции в Индии вспыхивают волнения. Земля называется доська кровью сотен и тысяч индусов.

В 1926—1927 гг. снова отдельные стачки трудящихся Индии вырастают в массовые забастовки и восстания. В январе 1929 г. в

Бомбее, Калькутте, Лагоре, Лукноне и других городах трудящиеся Индии отмечают память Ленина. В ответ на это англичане провоцируют национальную резню между индусами и мусульманами. В Индии находится 70 млн. мусульман. Хозена страны в пробных шлемах пресловуто учитывают религиозное настроение индусов и мусульман. Февральская резня на счетах английских бухгалтеров была поведена в итоге с прибылью: сто индусов убито, 700 ранено.

События назревают. Трудящиеся Индии перестают верить в Будду, который появился на земле в образе Маитрея. «Индус—образец умения гнуть спину, так говорят знатные иностранцы, либеральствующие в английских салонах. Но индус разгибает свою спину и встает во весь рост перед лицом обнагавшего врага».

В Бомбее 12 месяцев бастуют текстильщики. Рабочие демонстрируют на улицах города против правительственных потрошников за освобождение арестованных. В Калькутте происходит стачка против национального городского самоуправления. В Натюре, сомаются революционные митинги в ответ на арест вице-президента революционных профсоюзов «Гирри Камгар» («Красное Знамя»).—Хетчисона.

Забастовки проводятся в Каунпуре, в Мадрасе, где католические миссионеры слили себе прочное гнездо среди местного населения. Революционная волна захватывает один город за другим. В Феврале 1930 г. начинают стачку железнодорожники великой Полуостровной дороги. Они бастуют в течение четырех месяцев.

Из городов движение перебрасывается в деревни. Вспыхивают волнения в Пенджабе и Бардоли. Крестьяне отказываются платить налоги. С копытами и вилами они идут на вооруженные фланги английских войск. Вспыхивают волнения в туземных княжествах Майсоре и Галдарабале. На чайных плантациях Ассамской провинции проводятся забастовки.

В Шолопуре—революционное восстание. В городе создается совет. В Читтагоре—кроволава бастует. В Бомбее, Калькутте и Джайн-баррикады на улицах. В городах создаются боевые дружины рабочей самообороны. В деревнях собираются отряды крестьянских партизан. Везде слышны крики: «Да, а огнь восстания! Наперекор всему! И прежде всего, наперекор—Ганди!»

Махата Ганди—человек в роговых очках и небрежной повязке на латы—говорит: «Не революционное восстание, а пассивное сопротивление... Мы не против английского владычества... Мы не хотим королевщины».

Махата—великая душа, вождь,—говорит: «Англичане запретили добывать соль, а мы будем ее добывать незаконно. Англичане хотят продрать манчестерскую ткань, а мы будем носить кодр, сотканый индусами».

Ганди помогает национальный конгресс Индии.
Англичанам и туземным магардадам Ганди нужен. Ганди для них—это своеобразная отдушина индусского недовольства. Но когда движение перерастает рамки гандизма, когда революция переставляет через дозволенные границы, Ганди создают орудие мучничества, его увозят в тюрьму. Таким путем пытаются разбушевавшую стихию революционного порыва вернуть в рамки гандистского корыта.

О Ганди рассказывают: «Когда Ганди в одной провинции проповедовал народу, кто-то из толпы выступил против него и вынул чинала его речи. Этот человек тут же превратился в савиного».

Откуда мораль: против Ганди нельзя выступать. Ганди—почти Маитрея, соседний с левым Буддой. Гималаи зади и говорят, что в него стреляли из пушек, но он остался невредим. В Ассаме о Ганди говорят, как об ислителе от всех бед.

Но революционная Индия сметает прочь болтовню Ганди, его пошестников и национального конгресса. Индия распыляется от веками гниущего сна. Она подымается и стряхивает с себя отвратительную накипь британского империализма и туземного капитализма.

Массы, которые переросли вождя.

«Ганди вызвал слезы, которые и не может справиться».
Нарисована из американской журнальной галереи.

● Туземного рабочего движения о каком-нибудь классовом характере в Индии не существует.
Третий конгресс Социалистического Интернационала, 1928 г.

Пробковый шлем и стэк—внешние признаки колонизатора. Пробковый шлем появляется всюду, где открываются ценные ископаемые индийских недр. Стэк заманивает стаю, где нужно усилить те работы. Стэк больше бьет тех, кто осмеливается роптать.

Но вот в Пенджабе вышибли стэк из рук англичанина. В Шолопуре слетел пробковый шлем с головы колонизатора.
Революционная молодежь Индии в первых рядах против британского империализма. Национальный конгресс и его вожди Джавхарлал Неру, Боза и другие—привыкли молодежь вести борьбу усердными действиями. Но молодежь текстильщики Бомбея первыми пошли в штыки. Молодые железнодорожники были застреленными в борьбе с патанями—штрейкбрехерами.

Революционная молодежь—опора индийских красных профсоюзов—Гирри Камгар. Эти профсоюзы растут с каждым днем. «Гирри Камгар» текстильщиков вырос с трех до двадцати четырех членов в 1928 г. до 54 тыс. В январе 1929 г. он насчитывал уже 65 тыс. членов. В настоящее время, а все данные предполагают, что «Гирри Камгар» насчитывает не менее 80 тыс. членов. Это в то время, когда реформистские профсоюзы имеют в своих рядах всего лишь 6 тыс. 740 членов. Революционные выступления последних недель показали, что молодежь играла значительную, а иногда и решающую роль в революционных событиях Индии.
Буржуазия прилагает все силы к тому, чтобы отвлечь индийскую молодежь от революционной классовой борьбы. Для этого создаются бойскаутиские организации, огромные средства расходуются на христианский

Окончание см. на 27 стр.

bitsin хатъндъзлатъ...
ДОЛОЙ ПАРРАНДЖУ, ЧАЧВАН, ЯШ АН...

ЛОМАЕМ СТЕНЫ ИЧКАРИ

Очерк Б. Савва

Фото Я. Клемперт и М. Пенсон

Четверо было их: Чилди-бийи—председательница хантского сельсовета, Сайрам-бийи Абдулаева—женщина-учительница-комсомолька, Муслим-бийи Касимова, Олим-бийи Газиева.

Их привели на площадь кишлака Ханты и поставили перед наспех сколоченной виселицей. Они должны были умереть: солнце обжигало открытые их лица, не застреляв в густой сети паранджи. Они должны были умереть: только наказание они не получили из Гарма, где учились в педтехникуме—они, которые пошли против шарата и написали на бугае такие слова: «Мы, женщины, сбросившие паранджу, имеем желание учиться, для того чтобы в будущем стать учительницами».

Они должны были умереть: по кишлакам гуляли банды Махсума и тут, в Ханты, был теперь он сам—Фузайль, посеребривший и сумрачный.

Их называли «проститутками», «сворочным калом», «бздундимами», «невестами дьяволов». Теперь бандиты и муллы выталкивали их из жизни.

Они хотели жить.

Но они молчали.

Солнце обжигало открытые их лица, не застреляв в густой сети паранджи.

Назавтра три женских труппа были зарыты в новозую кучу. Четвертой, беременной Чилди-бийи, удалось спастись.

Века гнета и насилия лишили узбекскую женщину всех человеческих прав. Узбекская женщина стала домашним животным, которое за необходимость можно было продать, обменять, убить. Она должна была всю свою жизнь кутаться в невинные чачван и паранджу и не знать иного мира, кроме душевного, отравительного мира ичкари.

Классовые враги бешено сопротивляются великой, раскрепощающей узбекскую женщину работе партии и советской власти.

Они—неверные, плохие дочери своих отцов,—говорит враг о живших паранджу.—Муслимские опозорены их открытыми лицами. Они обучаются русскому письму, чтобы осверкнуть веру ислама: Эти проститутки уговаривают наших дочерей открывать свои лица и вступать на путь разврата. Они согрешили против шарата. Их следует казнить».

Духовенство и все решительны в своих действиях. Мы рассказали, как расправи-

Трудящиеся Индии поднимаются на борьбу с британским империализмом и собственной буржуазией. Трудящиеся Средней Азии активно решают эти задачи, свергнув с помощью пролетариата промышленных центров российской империи и вытеснив бойцов с последних его позиций. Не тысячи людей видят свет перед трудящимися и комсомольцами Средней Азии и в том числе задача раскрепощения женщины—задача тяжелая, разрываемая в упрямой борьбе с классовым врагом, отстаивающим каждую пядь старого быта.

лись с тремя ученицами гарьского педтехникума. Есть сотни таких жертв. Сотни зверски убитых мусульман и бывших коммунистов, комсомольцев и пионеров, да, пионеров—они тоже активные борцы за раскрепощение. Еще свежо в памяти убойные акты активной комсомолке-женифоты Садыковой, знавшей о готовящемся на нее покушении и все же поехавшей в кишлак проводить собрание женщин.

Но их все больше и больше—освобожденных, включившихся в кипучую непрерывную советскую жизнь.

В Бухарском округе свыше 60 тыс. узбекских женщин сожгли на кострах чачван и паранджу.

В Яши-Юльском районе колхозники выступили застрельщиками социалистического соревнования или лучшей труда и большой урожай.

Комсомолка Аяч-Джамап Имайлова вместе с двумя товарищами создала на каменистой, изможденной зноем земле аула Мамыш колхоз «Красная Звезда»—лучший колхоз в Ашхабадском районе.

Во главе базовой комсомольской ячейки ферганской шелководки становится Марус-Назиметдинова. Она принимает комсомольский коллектив от другого секретари почти разналегами: комсомолки слабо участвовали в социалистическом соревновании, уходили от сомоной жизни, зуганили. Марус—еще вчера безграмотная и злиганная—сколачивает актив и ставит коллектив на ноги.

Комсомол Средней Азии борется за постоянное раскрепощение женщины. Это значит, в первую очередь, вовлечь женщин в производственный процесс. Партияка требует, чтобы по основным отраслям промышленности Средней Азии—по гребняной, текстильной, табачной, швейной и пищевой—процент женщин был бы не менее восьмидесяти в среднем. А по металлургической—не менее пятидесяти. Именно поэтому комсомольские организации Средней Азии так яростно выступают против тех людей и организаций, которые свизавают всю работу по раскрепощению на женотделе, а сами ограничиваются пустопорожними декларациями.

В кишлаках Ташкентского и Бухарского округов возникли первые самостоятельные женские шелководческие артели. Впервые в

Комсомолка-ударница на гребняной станке Туркешела в Ташкенте.

история восточная женщина становится самостоятельной, подоправная членом рабочего коллектива. Эти артели были созданы комсомольцами. В Туркменистане комсомольцы, преодолевая сотни бюрократических преград, создавали женские производственные артели, продукция которых идет за границу и дает Советскому Союзу валюту на индустриализацию.

Артели созданы, но им нужна помощь... В город приезжает из кишлака женщина за инструментами, за каменьями бузакками, но она не знает, к кому обратиться, она становится по ушам и канцеляриям и опечаленная уезжает обратно. И вот одна комсомольская ячейка зажигает идеи: организовать шефство городских работниц и жен рабочих над женскими артелями шелководов! Начинание подхватывают десятки, сотни ячеек, работа по организации и укреплению такого шефства становится одной из боевых задач средне-азиатского комсомола.

В коридорах бывших таджикских гимназий и училищ, где когда-то чинно ходили под ручку дочки чиновничьих и буржуазных семей, теперь встречаешь смуглые веселые лица девушек из кишлаков. Они учатся. Десятки женских институтов, школ, курсов, созданных во всех городах Узбекистана, готовят армию тех, кто сбросит в яму прошлого последние камни ичарки. В этом году в школы фабрики всех отраслей промышленности, в техникумы и на различные курсы будет принято не менее 35% узбекских и туркменских децат.

В комсомоле Средней Азии слишком мало девушек. Среди городских и кишлацких комсомольцев есть вредители женского раскрепощения. Были такие, что голосовали на собраниях за полное раскрепощение, а в стенах своих домов золотыми голосами угрожали карой женам, сестрам и матерям, если они посмеют снять паранджу и чачван. Такие платили казны, устраивали пышные религиозные свадьбы, запертали женам участвовать в общественной работе.

С такими—борьба. Ветская борьба зовут к непрестанной работе. Сколько безработных, загнанных людей в кишлаках! Сколько тнующихся к солнцу новой жизни девушек и женщин сидят в каменных клетках ичарки.

Комсомол Средней Азии не прерывает борьбы ни на одну минуту. Ведь:

Где-б ни слади,
Чье-б ни слади —
Мы не слади,
Мы не слади!

Тависент.

Учебно-трактористка. Хлопковый совхоз Шахта (Голодная степь).

Привечание чачван и паранджу халат и сетка из вонючего волоса, в которые узбекская женщина закутывается с головы до ног.

Ичарки—женская пошлость. куда категорически запрещен доступ всем мужчинам, исключая близких родственников. Женщина не имеет права покинуть ичарку без разрешения мужа.

Калымы—куклы жены за определенное количество риса, муки, баранов и т. д., устанавливаемые родственниками невесты. Это настоящий торг.

Всей семьей на революционный парад.

Окончание, начало см. на 24 стр.
союз молодых людей, имеются многочисленные религиозные, теософские (познание божества в состоянии экстаза) кружки и так далее.

Буржуазия Индии, окочаленная сросшаяся с великобританским империализмом, опасно глядит на Китай, где во многих провинциях уже разлезаются красивые знамена советской власти.

Мелкобуржуазное влияние сказывается на целом ряде юношеских организаций национально-особообидного характера.

Бомбейская лига молодежи, которая пишет в своем журнале «Юный Освободитель» то «Ганди честный и чистосердечный защитник империализма», тем не менее солидаризуется с национальными конгрессом и его вождем Неру. Но это не мешало ей вывести изданию в Бомбее на демонстрацию молодежи под лозунгом: «Да здравствует революция». Эта путаница чрезвычайно характерна для многих мелкобуржуазных организаций молодежи Индии.

В 1927 г. в Пенджабе была создана организация революционной молодежи—«Науджаван Бхарат С'вх», в скором времени она насчитывала в различных городах провинции 6 тыс. членов. «Науджаван» в августе 1928 года провела первую конференцию в городе Амритсаре. Революционные слова на этой конференции были подкреплены выводом: бороться с национальным конгрессом, который предаст интересы трудящихся.

Вторая конференция состоялась в Лагоре, где «Науджаван» имеет свою базу и, наконец, третья конференция состоялась 19 апреля 1930 г. в период разгара великой революционной войны в Пенджабской провинции.

Этой конференции предшествовал рост влияния лиги среди крестьянской молодежи. Лига руководила восстаниями крестьян в Пенджабе.

Конференция в Гуджранале прошла под знаком классовый и антиимпериалистической борьбы. Председательствующий на конференции Сукхдевал Кханду отметил необходимость организации ячеек лиги по всей Индии. Он выступил против национального конгресса и заявил, что лига борется за рабоче-крестьянскую республику.

В Индии нет еще комсомола. Но в Индии есть все предпосылки, необходимые для существования массового коммунистического союза молодежи. Отдельные комсомольские группы должны обрести. Комсомол должен проникнуть в массы, завоевать их и под знаменами КИМ вести дальнейшую революционную борьбу трудящейся молодежи Индии.

Английский гарнизон в лагере Пуна всегда в полной боевой готовности, Англические суда приносят все новые суда и тысячи солдат. Англические аэропланы реют над Гиндией. Танки сокрушают укрепление революционеров. В страхе и ужасе расправляется «рабочее» правительство Макдональда с индийской революцией.

Прокурор Джемс на мейрутском процессе истерически восклицает: «Москва настаивала и требовала—вы должны овладеть каждым ребенком с колыбели и обучать его классовый борьбе».

Прокурор Джемс в панике от революционной активности молодежи.

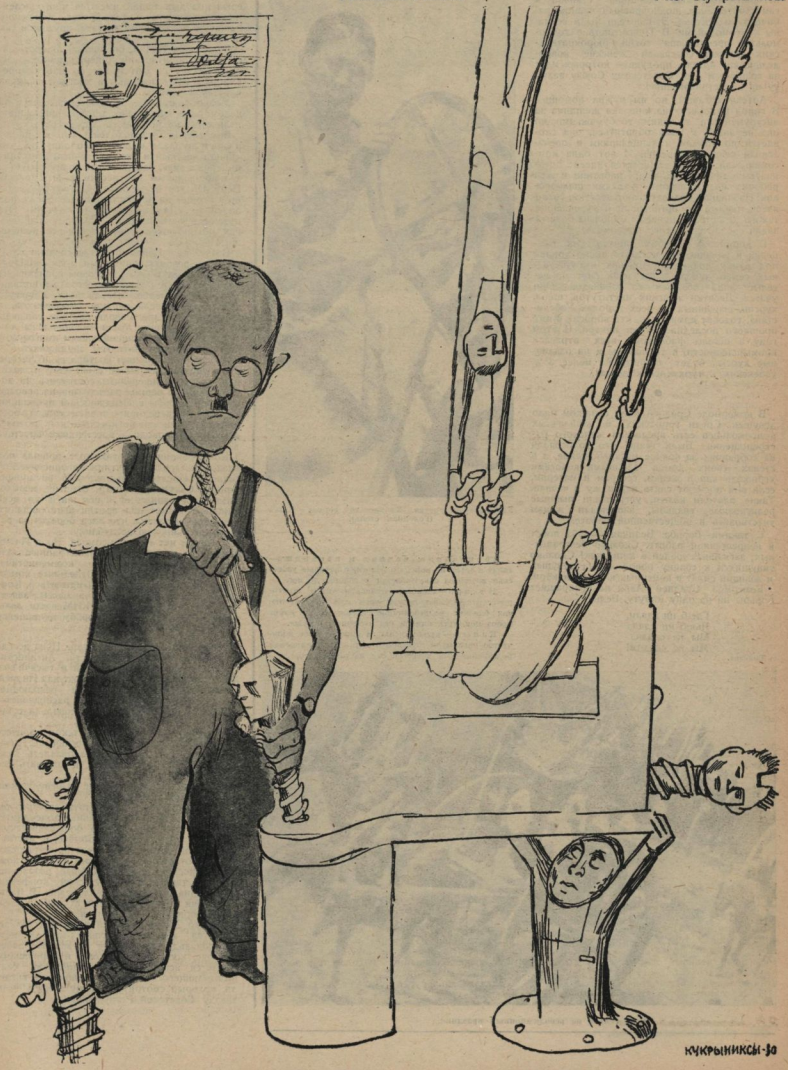
«Они попытались воспитать—кричит он, указывая на слепых на своем послушании революционеров,—молодую большинство группу в этой стране. В Бомбее, в местной юношеской организации была принята резолюция, которая высказывалась в пользу коммунистических идей. Подобные резолюции приняты также и калькутской конференцией социалистической молодежи. В Калькутте они обучали молодых студентов идеям и принципам большевизма».

Мистер Джемс—верный защитник его недоброжелателя короля и социал-империалиста Макдональда—нервничает не зря. Не далее того час, когда английскому империализму придется испытать революционную силу подматанного трехсотмиллионного гиганта, который смотрит «на одну звезду, — на звезду Советской Республики».

РАБОЧИЙ И МАШИНА...

Установка Гастева

Рис. Кукрыниксы

НАМ НУЖЕН БОЕЦ, А НЕ АВТОМАТ

Л. Буралин

В вопросах народного образования и подготовки новых кадров партии приходится вести борьбу на два фронта. С одной стороны, линия партии заключается в усовершенствовании методов работы с аудиторией—словесно-наглядно-методическая школа, какой до последнего времени оставался наш нынешний и средние звенья общего образования.

В этой борьбе партии комсомол неизменно стоит на партийной, ленинской позиции, маневр решительные удары всяким отклонениям от этой позиции на фронте просвещения.

Исходя составившие всеобщие партиявсоединение по вопросам образования дело четко выраженные установки, раболом арвратив явное и скрытое сопротивление политическим методам народного просвещения.

Но все это далеко еще не снимает с повестки дня задачи дальнейшего раболомления «наглядно» и словесных методов обучения, не ослабляет необходимости решительной борьбы с ними как в теории, так и на практике. Особенно на практике, ибо по сей день в силу ряда причин на фронте подготовки новых кадров мы все еще имеем фактические искажения партийной линии.

Основной удар на данном этапе мы должны направить против полудефективных пережитков в нашей школе, нечетности, оторванности школы от задач подготовки квалифицированной рабочей силы. Но и удар по «наглядности», раболомной уже, но еще не добитой, необходимо усилить.

А человек не полагает: Он, как запитания, пришел К буржуазическому миру.

(Безымянный)

— Делай — раз!

— Делай — два!

— Волю!

Что это, упрямкистакти? Нет. Это подготовка квалифицированных рабочих, подготовка... по Гастеву.

— Мы растем из железа!—нафасно восклицает Гастев.

Но железество это особое свойство. Волна мускулов Гастев превращает в систему живого автомата, «принято» к железу машин и станков. Перед Гастевым нет человека, у него—человек, которые у машин.

«Нужно добиться того, чтобы рабочий стал приладком к машине, большего не нужно. К чему, мол, рабочему заниматься вопросами дивизиии чуждества как класса—он должен уметь применять взаим, лишь стон у ткацкого! К чему рабочему думать об ударничестве—ему необходимо знать четкий удар по зубули под углом в столько-то градусов. Зачем шоферу обомогрывать все повороты революционной тактики—он должен лишь правильно поворачивать руль машины. Для чего пешеходу знать правила арифметического счета—рота точно отбивает счет отпачтанными ал-стам.

Ведь для рабочего, по Гастеву, «вопрос не характерно его чисто субъективное развитие и образование, а для него характерно именно это производственное поведение». Если для буржоватов человек есть квантичана к чеку, то у Гастева—это один из болтов, винтов или рычагов машины.

Говорит: Что-я такое? Как выложить в око, так а везу в другой чашке в Крестовый.

Такова установка гастевской «установки». Она разоблачена уже давно, ей противостоят установка партии, выраженная Лениным так:

«Наша школа должна давать молодежи основные знания, давать умение выработать самим коммунистические взгляды, должна делать из них образованных людей. Она должна за то время, пока люди в ней учатся, сделать из них участников борьбы за освобождение от эксплуатации».

И все же, выгнавшая в одно око, гастевщина пролезает в другое. Она все еще живуча. Курсы акционерного общества «установка» расхлывались по всей стране и беспрестанно «некут» скороспелых «пролетариев».

Быстрота обучения, основанного на тренировки, на системе «Ванька, приглядывай», создает из гастевских курсов кратковременный этапчик пути, через который перекачивается с бирки труда на предприятия человеческий материал.

И не даром на курсы эти устремились

все, кто по тем или иным причинам жаждет пролетаризации. Дети «бывших», лишены, декларированный элемент вдет в гастевских курсах удобный мостик для перехода на производство. И текут они на фабрики и заводы, несколько условий производственные процессы, но несколько не изменив своей антипролетарской сущности.

Получивший мы сменен народ, Переключившаяся вмиг дни в день. (Отровский)

Что же пугает «гастевщину»? Почему до сих пор после ряда директив о развитии школы ФЗУ, после ряда решений, направленных против узкого ремесленничества, цинковые курсы сохранены, к ним обращаются, на них есть спрос? Причины этого следует искать в безопасности многих хозяйственников, в бесперспективности «переключившая» изо дни в день, а местами и в явное опортунизма.

○ Как раз у нас часто забывают. Выстроит новые корпуса, установят новые машины и тогда только спохватываются.

— А рабочий-то у нас нет!

Вот тогда и поворачивается на единственное спасение, ему «бьет челом»:

— А ну-ка, в пожарном порядке, подготовьте сотню-другую!

И Гастев «подготавливает» не сотни, а тысячи, многие тысячи: ведь рабочие нужны во всех отраслях бурно растущей промышленности.

Всю ночь, над машинной эскадрильей шло, революция перемывала и перемывала. И... через неделю фабричные кисти играли листиками от перемены. (Мальговецки)

Имеется постановление Совнаркомом о том, что при начале строительства новых предприятий раньше всего необходимо построить школы ФЗУ. Этим обеспечивается подготовка квалифицированных рабочих ко времени пуска предприятия.

И что же? Это постановление вически обходится.

Взять хотя бы сталинградский Тракторострой. Разговор о конвейере, о максимальной разделении труда, об узкой специализации были использованы для полного игнорирования вопросов подготовки кадров. В результате многие тысячи рабочих, из которых две трети некогда производства не видели, пришли из деревни, набравши с бирки труда, эти рабочие оказались совершенно не приспособленными к методам и условиям работы на заводе.

Созданы профкурсы. Дух Гастева заполнял эти курсы.

«Основной установкой которой профессура выявляет подготовку эксплуатационных рабочих стандартного типа».

Вот до чего додумались на Тракторострое «стандартные рабочие!» Недурной фортель выдвинули в отношении правдивости. Даже, когда имеются средства, отпущенные специально на строительство и оборудование школ ФЗУ, кое-кто из «хусердяных» умудряется эти средства припрятать в гудонный карман.

Пожале замечайте в будни, А в праздники мы и так выдид. (Безымянный)

Явное и скрытое опортунизма всеми мерами стремится скрыть развитие фабзавуча, отдала все преимущества узко-тренировочной, сводящей рабочего к роли неразмышляющих автоматов системе Гастева. Иногда эти поползновения прикрываются громкими фразами в пользу «а, торжественными обещаниями в дни спадания».

Однако все выветрило раз случается, когда средства, отпущенные на развитие ФЗУ, используются не по назначению. Всем известны пресеченные партии попытки опортунистов сократить срок обучения в фабзавучах для некоторых специальностей до одного года, попытки сорвать набор индустриализации.

Оборудованы многие фабзавуча пресекрером. Так, например, на заводе «Электромаш» учебный ФЗУ обучается на старой конструкции, которая теперь на заводе уже не применяется. Какое же из этого получается производственное обучение, с позволения сказать, если в школе готовятся карусельщики, у карусельщиков ставкой является стоимость? Так дискредитируются задачи фабзавуча.

Перелом, намившийся в последние время, должен быть решительно доведен до конца. Основанное на решениях партии постановление X съезда Советов, подтвержденное и разработанные последними директивами, говорит:

«Констатируется рост школ фабрично-заводского ученичества, являющихся единственными массовыми школами, обслуживающими занятую в промышленности рабочую молодежь, с'езд высказывает за решительное расширение сети до количества, способного обслужить все подрастающее поколение».

Это постановление, вопреки всем опортунистическим поползновениям, должно быть осуществлено.

Гастев и руководивший им Центральный институт труда разработали ряд интересных методов производственного обучения.

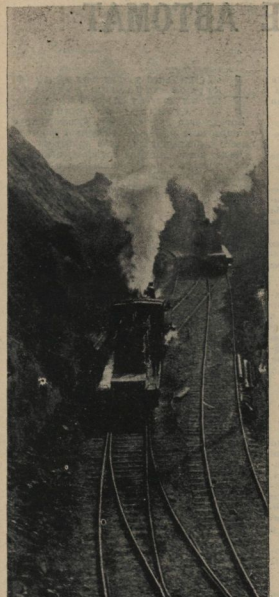
Эти методы, сами по себе, могут быть чрезвычайно полезными при подготовке квалифицированных рабочих. Ведь школы ФЗУ должны подготовить значительное число рабочего, способного стать мастером, умеющего быстро и четко, без затрат лишней энергии, выполнять производственное задание. Иными словами, он должен уметь работать. Комсомол выстает против «гастевщины» как системы, которая после этого «уметь работать» ставит точку, как система, которая отражает опортунистическое неверие в политическую силу рабочего класса и старается возгнать рабочего в узкие рамки ремесленничества.

Комсомол против ремесленничества. Он против подготовки рабочих-автоматов, он за подготовку рабочих-бойцов. Комсомол твердо помнит указание Ильича, предостерегающего партию от узко-ремесленнического метода обучения.

Комсомол под руководством партии дрался и дерется за фабзавуч, против «гастевщины», против делеческого, ремесленнического подхода к подготовке новых кадров индустриального пролетариата, новых кадров активных строителей социализма.

НОЧЬ НА

Рассказ

Уже базил час завершения грандиозных работ. Динамитом взорваны каменные скалы на Днепре. Сильнейшим в мире динамитом пролетарского изобретения и взор и победил в р. движутся каменные глыбы крестинской крестинской иватории и крестинской. Сельская молоток сидит габать на Днепрострой. Там она и оходит шкуру социалистического соревнования. Та, в стве ошесточивных бива за пилотету, особии ивотом она от тавного груза меклобуруазной псконкиги. О прали ште и это у св. бландино, сдраный бедняком Петрот Генко, рассказывает И Богдан в.

НА СНИМКАХ: Слева — вид со строительных материалов и строительству по проложению в силах пути.

Внизу — подготовительные работы на дне котлована, где будет построена ГЭС.

НОЧЬ НА

Петро Генко как ушел в армию из деревушки на берегу Днепра, лепнился напротив скалы Богатырь, так и пробыл три года на адгаской границе в калдерии.

Стал складным, мускулистым и от загара почернил. Из дома почему-то не писали: не только мать и любезная сердцу девка Генка, но даже приятель не написали ни строчки.

Слезал он с поэза улыбаясь: то-то удивится, встретит его таким черным!

Шел по улицам Запорожья, перекинул через плечо скатку шинели, на спину ввязав сундучок, зацепленный ремнем, когда-то крашенной желтой охрой, теперь весь изодранный по вокзалам да казармам.

Шел легко, думая о встрече с ласковой матерью, с Генкой, с друзьями. Сядет на крыльце, мать даст кружку молока, холодную, береженую в колоде на веревочке. Он будет пить, заедая черным хлебом, а пес Катя будет лезть лаяться, а гнилой мерин подойдет и заржет, попросит хлеба. Потом он ляжет под черешей, прядет ребята, будет рассказывать про басмачей. Разумеется, новую рубуху наденет...

Он шел, распаваясь в улыбки, в тумане близкого счастья и не замечал странного оживления городов и новых агитбатов, солидно спещивших по тому чистому полю, по которому ходил он с волами.

Радостный и вспотевший, споткнувшись несколько раз о насыпи временки, он подошел к берегу Днепра. Вот здесь стояла гнилая деревня, несколько лип и кленов; на одном из них они с Генкой вырезали свои имена, заключенные в сердце. Здесь они расставались...

А где овражек? Где колодезь-журавль? Петро потер кулаком глаза: не было его родной деревни! Перекопанное, заваленное камнем и мусором поле пересекли рельсовые пути и насыпи. А на том месте, где должна бы стоять его хата, громоздилась лютый камнедробильный завод, штабсами лежал лес, камни, стадами стояли вагонетки, а на Днепре, переполанном перемыхкой, торчали и удил, как рыболовы, десятки длинноносых кранов.

Вот загудел гудок, заиграли военную тревогу горнисты, Петро исторчался — заняло сердце, слышно знакомый сигнал, и вдруг в разных местах над скалами, у которых когда-то он удили рыбу, выросли черные куски дыма и в уши его обрушился грохот. Осколки скал рассыпались по реке. Петро снова сел на сундучок.

По деснице вверх и вниз бежали люди. Что все это значит? И вдруг он вспомнил куски газетных заголовков, рисунки в стенгазете, карту на стене красного уголка. Так это и есть Днепрострой?! Не может быть! Почему же не написали нигде, что «са Днепрострой его деревню, его хату, мать, любезную девку, даже дерево с его именем». Он снова встал и пошел по течению аваской топыи. Он спустился на перемычку. Днепр, поспивший, как удавленник, весь в пене, бился затиснутый в бетонных бычках плотины у левого берега. К правому берегу его не пускала перемычка, выставив зубки железных шпунтов.

С опаской прислушиваясь к вою реки, шел Петро Генко по плотине. Незнакомы и озлоблены были лица встречающихся людей. «Государственное дело, — думал Петро, — так vicino». Но при воспоминании о белой новой хате, приготовленной для невесты, о черешне, посаженной его руками, слышно сердце. Машиньяло перешел он перемычку, забрался по лесенкам на правый берег и вышел на ровную площадку, разделанную зеленью, посреди которой, как золотой павани, раскинулось здание все в огненных окнах. Вокруг разноцветные рассыпались домики, и строгими, подкургами, треугольниками были рассажены деревья. На черной дощечке было написано: «Главное управление».

Он остановился на ступеньках. По обеим сторонам крыльца стояли большие деревья, кругло подстриженные, аккуратные, как часовые. Петро с удивлением поглядывал то на ступеньки, блестящие днери, то на эти деревья. Он подошел к одному и потрогал рукой. Может быть сделанное? Нет, кора была сочная. В глазах Петро вдруг зарбыло. На зеленой коре клепа расплылся и сморщенное выдвесье сердце. Его имя растеклось. Имя Ганны зарубежилось, как зарям.

Попытлся Петро. Так вот он, куцалый, зеленый клеи! И его мобилизовали... Остриженный, стоит, как часовой. Петро схватил сундучок, попутнее взглядом и пошел обратно. Оглядываясь. Мимо клепа, под котрым цеволася с Ганной, проходили люди в форменных фуражках, и кожаных пальто, в шляпках, и строгими.

Зашел на перемычку и устал. Захотелось есть и одуматься. Перобрался через гору камня, гланул вниз и поразился. Внизу, на страшной глубине, в квадратной выемке, залитой светом электромли, работали люди и машины. Люди били свои, похуже, в распавших рубахах, в лаптях, в изодранных портах. Петро потеплея: есть и напик.

Люди собирали камни, раздробленные взрывом, наваливали их в железные ковши, и лязговотый кран выносил камни из котлована. Немного дальше той же работой занималась машина. Отдувался и пласты, она опускала единственную железную руку, совала ее под каменные груды и, зацепив, сколько влезет, тяжело поднимала руку и высыпала камень в вагонетки.

«А вс-таки человек ловчее. Вот он маленький, муравей, а что делает! Тяжел камень, не поддается, так он и ляжет, и встанет, и ногами упрется, а завалит его в железный ковш. И если дать ему силу, как у машины, — куда годился бы все машины!»

НЕПРЕ

Богданова

Однако он не хочет уступать машине. В кулак железной руки возмёт она десяток людей. Как поднедет — так враз убавляется каменная осыпь, враз заваливает целую вагонетку. Управляют ею два человека. Они сидят неподвижно под крышей домика. Лица у них строги, губы скаты, подбородки тверды. Движения рук размеренны и строги. Они постарше — у него морщины по всему лицу, другой совсем молодой, но похож на него.

«Мамы, отец и сын, — думает Петро. — Им что до его деревни, до матери, до его Ганки. Им хорошо на машине кататься. Небось камень вернётся опять достается нашим мужикам. Он видел, какими рассабриками — ободриными, взломанными выхледи камешники из котлована. А машинисты, покуня трубочки, сына перчатки, высморкавшись в носовые платки, снова сядились управлять машинами».

Человек в кожаной куртке подошел и толкнул его, поправил провала. Петро всколыхнул. Человек, не обращая внимания, стал наводить лучи ослепительной лампы на дальний угол котлована. Это спокойствие раскрывать череп человеку размахнувшись, как только мог. Тот испуганно отскочил и вдруг ухватил Петро за грудь, так, что спервоначалу дышал.

«Вот они какие!» мелькнуло у Петро. И вырванный обломок, он запустил руки в жесткие волосы человека. Так молча стояли они несколько секунд.

— Петро? — тихо сказал человек знакомым голосом.

— Васька? — еще тише спросил Петро.

— Ты, что же, очумел, сукин сын?

— Не угадал я... ты на немца похож.

— Это я техником стал, монтером...

— У тебя рожа-то стала другая!

Друзья разговаривали несколько минут, держа друг друга за волосы и за грудь, лаялись, обижали.

— А где-ж твой хата?

— На снос продад.

— А сам где?

— В барке живу, у меня комната, радио играет.

— А другие ребята где?

— Да все здесь.

— Ванько?

— Он на Богатыре, а бурлачишках.

— А дядя Федор, Канелоха?

— В пильке, десятником артели, камень убирает.

— А спляк мой, Павло?

— Да вон сидит на эскаваторе, рядом с немцем... Скоро ступи свою отдельно доверят.

— Это не он. У него рожа круглая была, добродушная, а этот — как немцев сын...

— Квалификации, брат, и рожу меньше. Человек твердеет.

— А жако тебе хозяйство-то?

— Ну, одна морока, а здесь действительность!

— А вот молока, допустим, выпить холодного от своей коровы?

— Это можно. Пойдем-ка закусим. У нас на фабрике-кухне это ж молоко, да еще под музку.

Взвалив на плечо надосыпанный сундучок, Петро ползлел за Васькой.

Фабрика-кухня была похожа на огромный стеклянный ангар.

В просторном зале они сели за стол, на котором стояли цветы.

— Слышь, — сказал Петро, все еще думая о деревне, — а вот хату ты продад. Много дан?

— Полторы тысячи.

— И что-ж ты новую построил?

— На кой она черт? Что я здесь жить буду, что-ли? Вон как построим эту электростанцию, поеду другую строить. Мы уж с ребятами створились.

— А деньги куда?

— Мотоцикл куплю.

Петро присунул молоко прямо на цветок и, раскрасневшись от холода, ухмылялся:

— Ах ты мор! Мотоцикл! Васька — и на мотоцикле! Ох ты чудак. Да ты от велосипела со страху под амбар залез, тебя дед ковергой оттуда доставал, мать тебя выманить не могла!

— Ну, ну, брось, — смутился Васька.

●

Через неделю Петро Ганко поселился на койке № 216 лево-

бережного барака. Работал он в шлюзовой выемке с дядей Федором Канелохой. Помимоу среди лесов и дербер строительства отсыкались родные и знакомые.

Мать отсыкалась в будке сторожа, за под'езными путях. Она вышла замуж. У будки сторожа, спокойно, не поводя ухом даже на обвалы взрывов, лежал родной пес Китый. Бродил куры и тот самый карый петух, которому еще пять лет назад Петро выбил прутом глаза за озверство.

Любозная девчонка не отсыкалась.

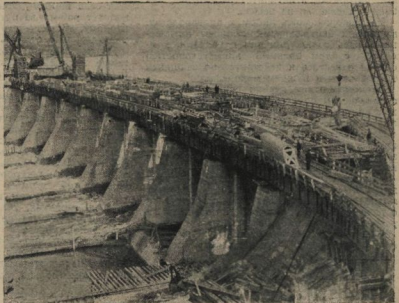
Петро стал забывать, какая такая была родная деревня и была ли она вообще.

Днепропетровская электростанция — одна из крупнейших сооружений в мире. Мощность станции 810 тыс. лещ. сил. На Днепрострое стретильные работы пластичность механизированы. Смонтированы строительств ст плав — 1932 года По пятилетнему плану в Запорожье ст, охоты Запорожская «ом-нат», который будет петься детской электростанцией Днепропетровск и. С вострохна: ерше! шнозном лестнички в район Днепровской платины будет разрешена проблема перехода судов через непроходимую для сооружений Днепростроя часть Днепра (ворота) Этим осуществлению тесно соединению Черного моря с Центральном-Промышленным районом.

НА СНИМКАХ: Спрыве — узарный лавро-оз по подаче бетоноа на строу пларовоа об длае: етса конгономельной бригадой.

Внизу — подача бетоноа постректом п д-емных красав в вагонках на место работы.

ЗА НА ВЕС ДАЕТ НЕОЖИДАННО

В. Вельмин

Будем резко бить по равнинам и отсталым настроениям в своей среде. Будем бороться за коммунистические отношения к труду и производству. Но, повернувшись лицом к хозяйственному строительству, комсомольские ячейки не имеют права ни на минуту забыть о требованиях и нуждах рабочей молодежи. Между тем, многие ячейки об этом нередко забывают.

Печатаю статью тов. Вельмина, «Смена» просит своих читателей высказаться по авторитету в ней вопросу.

...Спросите у револьверщика, какова предельная норма на «каретках»? На такой вопрос комсомолец Близнюк, признавая в свидетели своего соседа Дудюкова и всех других «спецов», ответил бы вам:

— Сорок пять, от силы сорок семь кареток в день. Больше — неумогуту.

А Сидоренко, из того же револьверного цеха Харьковского завода, даст и день и семьдесят кареток.

Почему у Сидоренко, рядового молодого рабочего, же комсомолец, человека равной квалификации, получается чуть ли не двойная норма? Секрет состоит в том же, в чем тысячи подобных секретов, «открытых» в процессе социалистического соревнования. Самый сложный английский замок при помощи верного ключа открывается быстрее и легче, нежели замок иной какой-либо конструкции. Важен ключ. И ключом оказался в соревновании энтузиазм, осознание себя как коллективных хозяев социалистического производства.

Близнюк и Дудюков, комсомолец с везо-режиком прошлого, — прошлого, темного, как юр, и зеркала, как блесота пыльного Подхода мелкого торговца: в понятии Близнюка, завод — это первый встречный покупатель, с которого можно побольше содрать, и Близнюк, минуя ячейку и заводом, ходил в заводоуправление и угрожал расчетом, если в рабочей книжке его не прибавится лишняя десятка. Он группировал отсталых рабочих, подбавлял писать петиции о прибавке или угрожал расчетом. Он пробовал устроить в цехе «итальянку».

«Идейная фотография» Близнюка — это фотография рвача и шкурника, и комсомо, выступил за полный поворот в производство, опомнился против рвачей в своей собственной среде. Он разоблачил рвачей, он сдернул с них маску «сперых парней» и всеобщих «корешков», он растопил их грошевый авторитет, и авторитет рассыпался, как башня, сделанная из песка.

Но, повернувшись лицом к производству, выставляя центральными вопросы явительских, борясь со шкурниками и рвачами, комсомолец с тем же пылкостью внимательности обязан отнестись к действительно законным требованиям и нуждам молодежи.

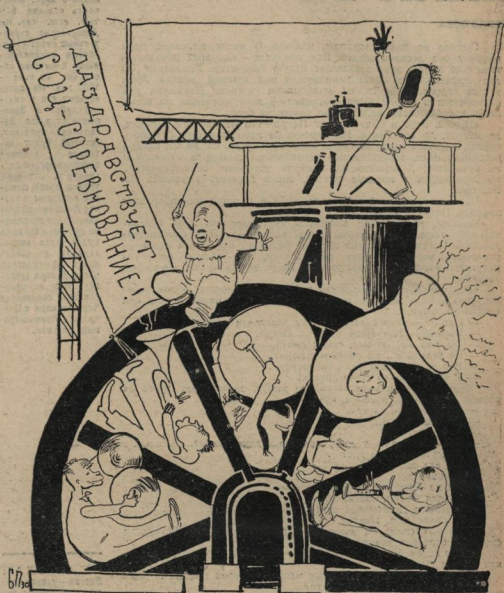
Экономработник ячейки считается теперь специалистом по кадрам. Он бегает на биржу, он, забыв о производственных спорах, мечется на курсы ЦИТа, нис в гастевских палативах с выхода из кадаровой голодомки. Но вот у себя в ячейке, в цехе этот же экономработник проблему кадра поставил иначе: как вернуть к производству? Раз поворот к производству, значит, работы об интересах молодежи могут быть забыты в сторону. Здоровье молодежи? По боку! Требования подростков о даче пробы? Шкурнистство! Повышение зарплаты? Равенство, оппортунизм!

И Федоренко, экономработник комсомольского коллектива Мариупольского завода

НЕ ВСЯ ПРЕМУДРОСТЬ В БАРАБАНЕ

Текст М. Голодного

Рис. Б. Пророкова

Не вся премудрость в барабане, премудрость за другим привалом. Поменьше шума больше дела — Вот лозунг соревнования.

ни, Ильича, с негодованием отвергает заявки молодежи, просиющей повысить ей разряды:

— Всекие требования о повышении разрядов во время социалистического соревнования я, как и все члены заводского комитета, рассматриваю как равнечские, и всеким таким требованиям даю решительный отпор.

А если парень-ударник действительно выполняет работу за пятый разряд, а идет по второму, то разве его требование повысить разряд можно назвать равнечством?

На харьковском коззаводе «Большевик» много молодежи больной ревматизмом, туберкулезом, хроническим бронхитом. Гинзельская, промозглая атмосфера, одуряющий воздух. Здесь здоровые подростки и молодежь, на плечи которой ляжет выполнение второй и последующих явительек, должно охраняться, как зеница ока. А на самом деле? На самом деле и ячейке не знают — есть ли большие среди рабочего молодняка? Молодежь, как правило, не посылается ни на курорт, ни в дома отдыха. Почему об этом — о профилактике, о постоянном врачебном контроле, о физических зарядках, об организации отдыха, о туризме — ячейка не поднимала голоса, как ситяльного флага?

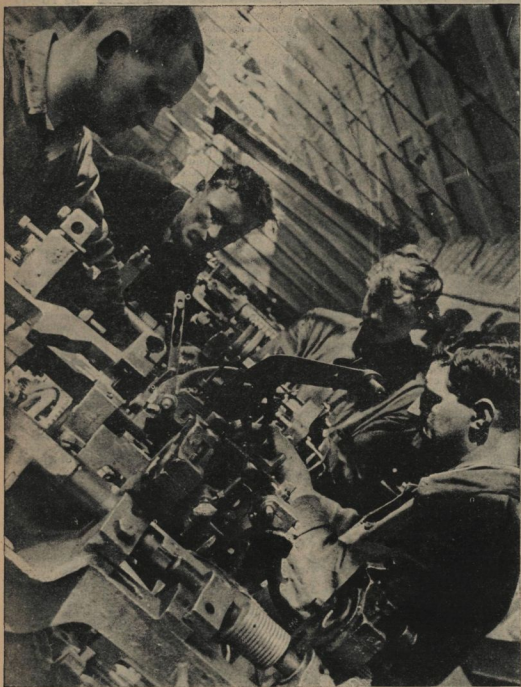
Неужели нужно дожидаться позора, как дождался его ячейка завода им. К. Дибикхета в Днепротроитске? Владимира Кармышева, комсомольца, укладчика железа на ко-

статке, грыз туберкулез, как энцикий зверь. Килограммы железа тиготил его, словно восьмидесятикилограммовая ингаляция. Кармышель просил перенести его нагрелангаю на печь. Но ушел у Сидоренка, экономога коллектива, были наглухо заткнуты ватой бездущи. Поддержка Кармышель не получил и после усовершенствования тюздыльного станка. Иможенный, разбитый болезнью, он тратил последние куски энергии на рационализаторскую работу, по изобретению погилбо без весты в недрах УАРИЗа, а комсомольский коллектив снова продемонстрировал верность своему неслепшему лозунгу, неизменно кем провозглашенному: «Ячейка — не нычка для молодежи!» (2).

Коллектив не встал на защиту изобретателя, на защиту больного человека, и жизнь Кармышева оказалась забытой досками, как дом, из которого только обитатели... Болезнь томила не только легкие, но и расщелок. Угнетала голову качуешься неоспоримо правильными, тоскливые и водорные мысли: «Ильич — удел здоровых. Большой человек — это шлак, выбрасываемый на заводчик»...

Дважды пытался Кармышель отравить себя на селдюрин. В руках не было крепости, а кухонный нож годился только на то, чтобы пробуравить в груди несмертельную дыру... И снова в ячейке пожали

1. Палативы — средство, применяемое для арестованных в тюрьме.

Ударная бригада слесарей завода «Пролетарский Труд».

Фото Елизаветы Игнатович.

пачками, решив при случае поставить в текущих делах о выделении комиссии для разбора личного дела, да так и забыли оставить...

Завнес жизни падает всегда неожиданно. Мозг Кармышева потерял способность нормально мыслить, и парня отправили в дом умалишенных, на Игрень, в палату хронических.

... Кто виноват в его гибели? Кто виноват в крушении одной из звезд огромной фотографии, именуемой коллективом? И не основным ли виновником следует признать людей, забывших, что защита экономических интересов молодежи, теснейшим образом связанная с выполнением общих хозяйственных задач, является для комсомола задачей обязательной.

Папки конфликтно-распознающих комиссий полны дел, относящихся к молодежи. В папках вы найдете жалобу прославленного на КПЗ молодого рабочего, идущего по третьему разряду, а получающего по первому. Вы найдете жалобу группы подростков с завода «Серп и Молот». Они работают в вечерних сменах, на тяжелой, горячей работе, что противозаконно, недопустимо... Но на заседаниях КРК вы редко встретите представителей комсомола. Экономисту некогда заниматься «шуршащими делами». Если же и зайдет мимоходом, то будет сидеть

угрюмо и нетерпеливо, с маной человека, у которого болит зуб, как сидел Беляк, секретарь явеекки луганского хлебозавода, когда разбиралось дело комсомолки Лильковой. Об этом случае писали в прессе. Он неисконителен в своем роде, он—показатель того, как иной раз заросшими циркулярного сорняка зарастают тропы внимания к человеку.

Формально рассуждая, Лилькова, конечно, была неправа. Она чуть (заметить—чуть!) не украла в раздевалке завода трех рублей. Факт, разумеется, позорный, и статья циркуляра ВЦСПС в толковании домашнихних профсоюзных талмудистов из хлебозавода звучала, как смертный приговор.

Действительно: за минутное укучение украсть три рубля Лилькову исключили из комсомола, прогнали с завода, а через час после постановления КРК она вышла укусистой эссенции.

Оправдывать самоубийство Лильковой нельзя, как нельзя оправдать любое самоубийство—позорное бегство со стройки, но нужно создать условия, при которых у пролетарской молодежи не могло бы зародиться и мысли о бегстве из жизни—вот задача, о которой нет-нет, да и забывают отдельные люди.

ПУЛЬС ЭПОХИ НЕ ПРОЩУПАН

Заметки о литературном молодяжке

М. Беккер

... «Вся постановка дела просвещения как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства, должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры, т. е. за свержение буржуазии, за уничтожение классов, за устремление всякой эксплуатации человека человеком... Только дальнейшая работа на этой основе и в этом направлении, одушевленная практическим опытом диктатуры пролетариата, как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана действительным развитием пролетарской диктатуры».

Н. Ленин

Рост молодой литературы назидо. Друг за другом выходят произведения, обращающие на себя внимание широких общественных кругов. «В дороге» Платошкина, «Явеекка» Горбатова, «Болтовня» Овалова, «Первая девушка» Богданова, «Безусый» Андрианова—это далеко неполный перечень произведений, вызвавших широкий отклик среди молодых читателей.

Дело, разумеется, не в количестве. Молодая литература растет и качественно. Это выражается прежде всего в росте содержания, в углублении художественного показа. Со всей определенностью можно сказать, что персональный молодой литературный этап проходит под знаком жестокости и мокритики. Своим острым молодая литература направлена против недостатков и противоречий общественной жизни. «Настрасть» Безанковского—это яркий призыв к самокритике, призыв к решительной борьбе с наследием старого. Не даром один из его героев восклицает:

Подавляйте ярость, маю!

На пролетарских бюрократов!

Мобилизация «ярости масс на борьбу с бюрократом, с классовым врагом, с агентами старого мира—это не главная задача пролетарской литературы в период обостренной классовой борьбы? Старая сказка о том, что литература ограничивает себя сферой познания, должна быть развенчана со всей силой. Да, литература помогает «видеть мир», но только углубить в нем его сущность? Художник видит мир для того, чтобы воздвигать на него в доступной ему форме. Справедливость этого сказывается со всей очевидностью в нашей литературе. Рожденная в борьбе, пролетарская литература ярко классовой тенденцией. Не фотографировать, не описывать, а решительно изменять мир призвана пролетарская литература.

Комсомольский сектор литературы давно усвоил этот лозунг, превторив его в живые образы и картины. Уже первые произведения Безанковского, Колосова, Жарова ставили на главу угла не столько общественные отношения, борьбу за здоровье, коммунистическую смею. Этой здоровой, жизнестроительной тенденцией проникнуты и произведения многих молодых писателей, ныне входящих в творческое объединение «Молодая Гвардия».

Только что вышедшая повесть Бор. Рингова «Отпор» посвящена борьбе с бюрократизмом и хулиганством в рабочей и комсомольской среде.

«Явеекка» Горбатова бичует со всей откровенностью недостатки комсомольского бытия и каждой своей строкой агитирует за оздоровление этого бытия.

Роман Платошкина «В дороге» ставит со всей остротой вопрос о взаимоотношениях

между партиями и девушками в комсомольской среде».

Автор чужд какой бы то ни было идеализации комсомольского быта. На ряду с Пашей, типом положительной девушки-общественницы, мы видим Катю, Комарову — любезь, стоящих на высоком моральном уровне. Борьба с чуждыми в своем, бездушными формализмом, хамским отношением к человеку составляет лейтмотив романа Платошкина. С этим мотивом он встречается в «Черной девушке» Богданова, «Вроступищах» Казьминского и многих других.

Несомненно и художественный рост молодых писателей. Люди, действительно обрываются во всей сложности их взаимоотношений. Преодолевая схематизм, Улучшается стиль.

И все же было бы преступно умолчать о тех отрицательных явлениях, которые имеют место в молодой литературе. Ряд произведений, вышедших за последние время, внушает опасение и тревогу. Возьмем, к примеру, только что вышедший роман В. Шулкина «Фиданья». Роман этот, по сути дела, прост и несложен. Рабочего парня комсомольца выдвигают в крупное советское учреждение. Выявлено он находится на противоборстве с нечестным и впоследствии ему удается сплести, но впоследствии ему удается завоевать их авторитет и даже увлечение.

Не лишним удачным мест, роман Шулкина производит мало отрадное впечатление своим содержанием и художественным оформлением. Уничтожает прежде всего отсутствие в романе положительного людского материала. Герои, как по подбор, отрицательные типы. Секретарь, ичечки Цюпка представляет собой бледную и неинтересную фигуру. Комсомолка Настя Сарычева продается за деньги спуту Малкому. Комсомол Аркашья живет за счет пожилой женщины, муж которой выдает по делам. Да и Семен Коростель, выдвинутый, не представляется нам положительным типом. Автор всячески старается обелить своего героя, но ему не удается скрыть и замазать его мелкобуржуазные выходящие качество, которое понимается нашим героем весьма своеобразно: в основу его он кладет инваидуальностную цель. Отнюдь не случайно, что, выходя из разлуки, он впадает в первую очередь хотел обратиться на себя внимание Насти Сарычевой — хорошенькой комсомолки.

Семен решил, что она будет его союзницей в той борьбе, которую он наметил совместно с Боткинм против Цюпка.

Сейчас же ему хотелось только обратиться к себе же внимание и внимание всей ичечки. Оказывается, что Семен разбирается хорошо в «такие страсти нежной», которую воспитал Назов.

«Семен—красный от своих собственных, неожиданных слов, от неверных мыслей и положений, в котором он вдруг очутился, смущенный, но не потерявшийся, стоял перед ней, ожидая ответа. Он знал, что при подходе к какой же женщине необходимо в тонкие моменты шуток: ухажиwanie и театр» (1).

К заслугам нашего героя надо отнести организацию экскурсий и кружка по подготовке комсомольцев. Но, правда же, эти «подвижки» не ощущаются читателем: слишком они обделены и незначительны.

В итоге выдвигательство истолковано весьма упрощенно.

Выпав автором тема получила однообразно, поверхностно.

Со стороны художественной формы произведение Шулкина также оставляет желать лучшего. Написанное «глазами», литературным языком, оно утратило своей привлекательности, отсутствие художественной выразительности, чересчур краткости языка.

В этих недостатках нельзя упрекнуть Я. Шведова, выпустившего повесть под на-

1 К оглавлению «Смена» возвращается в одном из ближайших номеров.

званием «Обида». Однако и данное произведение сигнализирует определенную опасность.

О чем идет речь в новой повести Шведова?

Работница Анна выходит по нужде за пределы, владеющего богатым имуществом. Своей этой прическе Анне мало счастья. В сущности, она выполняет функцию прислуги, уборщицы и няни. Узнав о беременности Анны, муж заставляет ее делать аборт. Этот и другие факты заставляют Анну задуматься над своим положением. В ней пробуждается чувство человеческого достоинства, чему не мало содействовала встреча со знакомой работницей. В результате Анна прощает ховского человека, мужа и уезжает в деревню к родителям.

Как видите, Шведов разрабатывает тему, не отмеченную новизной и оригинальностью. В свете тех больших проблем, которые выдвигаются нашим временем, ваять Шведовым тема кажется мелкой и незначительной. Но дело не в этом... Пролетарский писатель вовсе не выбирать ту или иную тему. Будучи писателем, он должен выбирать тему, которая служила организации общественного сознания, чтобы она воспитывала человека в и у него и на м ст о р о н ю. Как сообщают, Шведов справился с этой задачей. Рассказав семейную драму Анны, Шведов не сумел поднять больших вопросов, связанных с локмой старой семьи и строительством в в о в. Странно кажется то, что люди, связанные у Шведова, в их связи с ограниченностью. В его произведении не чувствуется влияния эпохи, злуца времени. Оно могло быть начековано с успехом до революций. Однако, если бы Шведова, оставил тяжелое впечатление своим тоскатым фоном, мрачностью колорита, отсутствием больших тем. Жизнь выигрывает в изображении Шведова нежность и серой. По глубокому убеждению Голубина, чтобы Анну добиться работы в советском учреждении, не отдавшись предварительно какому-нибудь званью или замкаву.

Только рассказывая Анну, Шведов, как мне кажется, один раз говорит, что он может меня на постоянную работу устроить и даже без биржи труда.

— Ну что ж,—последно отвечает Анна,—иди работай. Без знакомства трудно теперь устроиться.

Тышка вахнула руками.

— Скажешь: «Иди». Зинка и Таня с нашего двора давно-давно работают на заводе. Их тоже техник устроил. Они меня с ним познакомил, а он меня познакомил со своим товарищем, тоже техником. Все хорошо, до одно там плохо. Техник говорит, если я с ним согласюсь жить, то он меня и устроит на это на работу.

В художественном отношении новая повесть Шведова не является победой. Шведов держится на уровне тех изобразительных средств, которые он обнаружил в первых своих произведениях.

Будучи далеко не равнодушным, произведение Шведова и Шулкина сигнализируют ряд опасных явлений. Основная опасность—отрыв от главных проблем, выдвигаемых реконструктивным периодом. В стране происходит исключительной важности многосторонние процессы. Идет жестокая классовая борьба. Решительно изменяется облик современной деревни. Углубляется борьба за индустриализацию и коллективизацию. Все эти явления не волнуют еще отражена в вышедшей литературе.

В центре внимания все еще находится «присутствие» половая проблема. Присва, в увлечении этой проблемой у наших писателей отсутствует тот более-менее физический принцип, который, как мы скажем, имеется у Гумилевского и Малашкина. Половая проблема является поводом к рассмотрению целого ряда смежных и неразрешенных в ней проблем. Однако, по мнению Общественного органа человеческого

материала, борьбы за здоровье семьи. Однако же, не слишком ли много внимания уделяется половой проблеме? Комсомола выходящая из области социальности, одним из проявлений которого является уединенность. Вслед за комсомолом молодые писатели, являющиеся по сути дела его художественными идеологами, должны переключиться на явления социальности строительства. Одновременно молодая литература должна еще и сильнее и сильнее ударить по большим сторонам нашего быта. Выходящая из области социальной жизни в комсомольской среде, но мы не должны еще от наших молодых писателей такого произведения, в котором ставилась бы эта шарашица и триады проклятая проблема.

Словом, мода—литература сильно отстают от жизненных темпов. Это отставание особенно позорно для молодых поэтов, которые, казалось бы, должны мгновенно реагировать на явления «обстреляющей» жизни. Поэты «раскаиваются» медленно и вяло. Единственный, кто «воспел» социальностные соросования,—это Александр Жаров. Но надо признать, что в его стихотворениях и прозе отсутствует социальностное строительство, много внешнего пафоса, но мало настоящей художественной глубины. Очевидно, это происходит оттого, что молодые писатели не сумели еще по-настоящему включиться в строительство. Логическое сознание необходимости и разумности строительства не оплодотворено пока эмоциональным переживанием проксионского.

Вне активного участия в строительстве не может быть настоящего поэтического творчества со строительства. Это положение порождает всем без исключения писателям, которые, имея намерение отобразить нашу великие будни.

В заключение нам хотелось бы коснуться вопроса частного порядка, имеющего, однако, большое принципиальное значение. Это вопрос о характере и степени общественной ограниченности комсомольской цеховщины.

Укажу, например, на такую деталь.

«По установившейся традиции, многие молодые партнеры издают коммюне, авторизованно от партии, от союза и комсомола. Комсомол дан, как замкнутая в себя, самостоятельная единица.

В упомянутом романе Шулкина имеется характерное в этом отношении место. Речь идет о взаимоотношении ичечки комсомола и ичечки партии.

«— А партийка об этом знает?—спрашивает Семен.»

Боткин пожал плечом.

— А чорт его знает. Нам, мясла, до них столько же дела, как им до нас. Там своя бузв иль!»

Поразительной бледностью отличается фигура партизана, вышедшего у Шведова.

«Погодишь,—говорит он,—на вас, мол, дождь, и гордость берет. Как хочется мне взглянуть на вас лет через двадцать, а не угадать. Память... Нет, уже песенка моя спеть.»

Вот так и образовался и верового смехом у сестры-наншушу слезу.»

Ну, право же, какой sentimentalism не к лицу Егорову, который, кстати сказать, не так уж стар (ему 50 лет).

Эти и другие примеры говорят о том, что в области показ взаимоотношений комсомола и партии наши молодые писатели допускают большую ошибку.

Дело не только в том, чтобы показать хорошего партизана и вывить взаимоотношения партии и комсомола в процессе их совместной революционной работы. Вопрос этот должен быть понят шире и глубже. Поставив перед собой задачу художественного роста, углубления содержания и идейного содержания темы, молодые писатели должны ярко и рельефно отразить в своей работе задачи, которые выдвигаются в ней проблематикой коммунистической партии.

ОРГАНИЗОВАТЬ ОПЫТНИЧЕСТВО
и изобретательство
реди молодежи в сельскохозяйственном производстве

ПОМОЖЕТ ЖУРНАЛ

ЗА МАССОВОЕ ОПЫТНИЧЕСТВО

Двухнедельный журнал Центр. детский и
юношеской агробиостанции им. К. А. Тимирязева
и Центр. с-х. станции мол. деж.
ЦК комсомола.

ЖУРНАЛ СТАВИТ ЗАДАЧУ:

Содвествовать организации молодежных бригад опытно-показательных хозяйств колхозных кружков,
Содвествовать внедрению методов вынкатской работы,
помощью развитого материалистического мировоззрения,
в работу колхозных и совхозных бригад опытников.

Помогать молодежи бригадам опытников и рационализаторов готовить из своей среды новые кадры специалистов сельского хозяйства массовой квалификации путем организации заочного обучения.
Мобилизовать широкую массу учителя и агрономов на помощь массовой молодежи опытно-показательству и рационализаторству в колхозах и совхозах.

ВЫХОДИТ ВМЕСТО ЖУРНАЛА

„Листки биостанции юных натуралистов“

Условия подписки: на год — 2 р. 53 к.
6 мес. — 1 р. 40 к., 3 мес. — 90 к.

КОМСОМОЛЦЫ, КОЛХОЗНИКИ И СОВХОЗНИКИ МОЛОДЕжь
подписываются на журнал „ЗА МАССОВОЕ ОПЫТНИЧЕСТВО“

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Москве, ул. Герцена, 10 — ОППИ
изд-ва; в магазинах и отделениях изд-ва; у исьмоности
ПЕРЕВОДЫ НАПРАВЛЯТЬ: Москва 19, Воздвиженка, 10.

Изд-во „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“

КОМСОМОЛЦ, УЧИСЬ МЕТКО СТРЕЛЯТЬ И ПОЙДЕШЬ НА ОХОТУ — ПРИГОДИТСЯ.

Не „охоткиши“ рывказ

а результат прилежания
БЕЗДЫМНЫХ охотничьих ПОРОХОВ
-ВОХИМТРЕСТА-
КОТОРЫЕ ДАЮТ

РЕЗНИЙ БОЙ при СЛАБОЙ ОТДАЧЕ.

ПРОДАКА в магазинах ДИНАМО, ВОЕНО-ОХОТНИЧЬЕГО ОБА
в ВСЕХ ИСТЫХ ОХОТНИЧЬИХ МАГАЗИНАХ.

ОСНХ ВСЕХИМПРОМ СССР

ЦК ВЛКСМ постановил (протокол № 14):

ФИЗКУЛЬТУРА РАБОТА

засчитывается членом ВЛКСМ КАК КОМСОМОЛЬСКАЯ НАГРУЗКА

Мобилизовать все организации комсомола на работу по проведению в жизнь решений ЦК ВЛКСМ о физкультурной деятельности.

Руководящие органы ВЛКСМ и весь комсомолец обязаны принять активное участие в руководстве физкультурой.

Все необходимые и руководящие материалы по физкультурной работе комсомолец может найти в журналах:

„ФИЗКУЛЬТАКТИВИСТ“

„ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ“

двухнедельник

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

где печатаются руководящие материалы

военно-физкультурной комиссии ЦК ВЛКСМ, ОСВАБИХИМА, ДИНАМО, БЮРО ОК ВЦСПС и др.

МАССОВЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ

„ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ“

ВЫХОДИТ НАДЬЕ 6 ДНЕЙ

НОВЫЙ ЕДИНСТВЕННЫЙ
в СССР ЖУРНАЛ

„ФИЗКУЛЬТУРА В ШКОЛЕ“

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

„ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК“

Условия подписки:

	На год	6 мес.	3 мес.	1 мес.	Отд. №
1. „Физкультура и спорт“	8 руб.	3 р. 35 к.	1 р. 75 к.	80 к.	15 к.
2. „Физкультура в школе“	3 „	1 р. 75 к.	—	—	15 к.
3. „Физкультура в совхозе“	3 „	1 р.	—	—	50 к.
4. „Теория и практика физкультуры“	5 „	3 р.	—	—	50 к.
5. Шахматный Листок (двухнедельник)	5 „	2 р. 80 к.	1 р. 35 к.	80 к.	25 к.
6. Приложения. Сочинения Нольдара, 7 книг	2 р. 80 к.	—	—	—	—

Издательство „ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ“ высылает любую книгу по физкультуре, спорту, туризму, гонкам и шахматам.

Знакомы и долго не забывать в издательство „ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ“: Москва, 12 Ильинка, 15; тел. 37-85 Ленинград. Внутри Гостиного двора, пом. 55. Харьков, Куликовский спуск, 26/а. Новосибирск, Стадион крайевой физкультуры.

ПОДПИСКА

принимается также на почте, у исьмоности, в советах физкультурных, в районных кюосках, на железных дорогах и в книжных пунктах кооперации

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

"ГОНЕТС" ПОСЫЛКИ И ПЕРЕКЛАДЫ "ГОНЕТС"

КАЖДЫЙ ПАРТИЗН, КАЖДЫЙ КОМСОМОЛЕЦ должен знать историю изобретения **КАРЛА МАРКСА** в жизни Ф. Меринга, 442 стр., с худож. портретами. Ц. 1 руб.

КАК СТРОИТ АМЕРИКА? Книга архит. Нейтра с проф. акад. А. Шусева. Формы строительства городов. Вокзалы. Система сообщения. Деловой центр города. Оранж. Кружные постройки и жилые дома. Небожорбы. Строительная техника. С многог. рисунки. Ц. в пер. 2 р. 50 к.

ШКОЛА ОРАТОРА В. Н. Серениникова Полная курс ораторского искусства. Пробные для ораторов, дикторов, чтецов, кружководов, школьн. преподав., актеров. 1 ч. Тексти на рец. П. ч. Музыка слова. III ч. Пяток ораторства. Все 3 части в 2 томах—4 р.

Самоучитель ИГРЫ НА СКРИПКЕ под редакцией проф. Р. Валленка. Общедоступн. практич. руководство с иллюстрациями, упражнениями и начальными этюдами. Ц. в пер. 2 р. 25 к.

БИБЛИОТЕЧКА НАЧИНАЮЩЕГО ПИСАТЕЛЯ И РАБОРА

А. Крайский. Что надо знать начинающему писателю (выбор и сочетание слов). 60 к. А. Крайский. Что надо знать начинающему писателю о построении драмы. 60 к. Работа классиков над драмой (Гюго, Тургенев, Чехов, Горький, 3. Зина). Сборник статей. 80 к. И. Друзья. Статьи современной литературы. 50 коп. Мысленная война. Сборник статей о Бельмонессо, Салюве, Гоголем, Вагнером, Ульмане и др. 80 к. В. Киваев. Книга писателя. 1 р. В. Савин. Очерки по истории русской поэзии XX века. 80 к. М. Мавель. Ньюбуржская литература. 45 коп. 5 книг обзора современной иностранной литературы. 1 р. 50 к.

НОВОЕ В НАУКЕ

Библиотека из 13 книг, представляющая обзор новых достижений физики, химии, биологии, геологии, медицины, астрономии и др. наук. Книга написана популярным языком и составлена крупнейшими научными работниками. Цена библиотеки—5 р. 80 к.

БИБЛИОТЕЧКА КОМСОМОЛЦА-АКТИВИСТА

40 книг, заключающих ответы на актуальные вопросы комсомольского движения и освещающих отдельные аспекты комсомольской работы в деревне. Цена библиотеки 6 р. 70 к.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ БИБЛИОТЕКА

под ред. П. С. Когана
14 книг произведений русских и иностранных классиков (Э. Золя, О. Мирбо, С. Флобер, А. Франс, Бальзак, Салтыков-Щадрин и др.). Всего 2 000 стр. большого формата. Ц. 10 р.

К. ВАРТ САМОУЧЕБНЫЕ ПО ТЕХНИКЕ

Том первый. Математика и химия. 3 р. 90 к.
Том второй. Прикладн. науки. Ц. 4 р. 50 к.
Том третий. Машиностроение и электротехника. Ц. 4 р. 50 к.

ПЕРВЫЙ ЯЗЫК ИЗУЧИТЕ

по самому лучшему учебнику МЕРТЕНСА. Не надо бояться учить, слов и правила. 50 страниц, русский, курс 1 года (начинающих)—2 р. 80 к. Курс II года (продолжающих)—2 р. 80 к.

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ В НЕУДАЧНЫХ СЛУЧАЯХ

Руковод. для сестер милосердия, пожарных, туристов и вездеход РОКК. Перевод с 48-го нем. изд. книги Ф. Зоммха. 300 страниц. Ц. в пер. 1 р. 300 луб. Цена 2 р. 50 к.

ДОМАШНИЙ МАСТЕР

Работа по дереву и металлу, электротехника, радио, фото, игрушки, переплет, корочки, и панталоны для окраски тканей, изготовление чернил, пр. с 300 луб. Цена 2 р. 50 к.

1.000 АНГЛИЙСКИХ СЛОВ.

дающих правильное произношение языка, изучают по самому лучшему учебнику Девея. Ц. 2 р. 50 к.
ГРАММАТИКА английского языка. Книга Л. Соловьевой и Нересова. Ц. 2 р. 75 к.

Книги выписываются наложенным платежом. Прислать можно деньги по переводу на плат. Заказывайте деньги заранее: Москва, «ГОНЕТС», Москворецкая, 24/41

КОМСОМОЛЕЦ! РАССКАЖИ ВСЕМ

ПИОНЕРАМ И ШКОЛЬНИКАМ О ДЕТСКОМ ЗАОЧНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

ПИОНЕР И КАЖДЫЙ ШКОЛЬНИК **ВСЕ** могут узнать, **ВСЕ** могут понять, **ВСЕМУ** могут научиться, если подпишутся на **ДЗУ**

РАССЧИТАН НА РЕБЯТ в возрасте от 10 до 16 лет. Дает им коммунистическое понимание окружающей жизни и ее явления. **СОСТОИТ ИЗ РАБОЧКА** ц. 45 к. и **4 ФАКУЛЬТЕТОВ**: **общественно-образовательного**—12 курсов, цена 8 р. 40 к.; **строительно-технического**—6 курсов, цена 4 р.; **кавалерийского**—6 курсов, цена 2 р.; **подготовительного детского**—6 курсов, цена 2 р. 70 к.
Цена отдельного курса 45 к. Подписаться можно на отдельный курс, но факультет или полный университет (цена 14 руб. 50 коп.)

При ДЗУ имеется **ЗАОЧНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ**

в ОПИ изд-ва «Москва», ул. Герцена, 10, в отделениях и магазинах издательства и в письменно-ночных.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в ОПИ изд-ва «Москва», ул. Герцена, 10, в отделениях и магазинах издательства и в письменно-ночных.

в ОПИ изд-ва «Москва», ул. Герцена, 10, в отделениях и магазинах издательства и в письменно-ночных.

АПТЕЧКА ГОСМЕДТОРГПРОМА
АПТЕКА ПЕРВОЙ ПОМОЩИ
содержит 23 предмета
НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ
СРОЧНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ
ПРИ НЕУДАЧНЫХ СЛУЧАЯХ
СТОИМОСТЬ АПТЕЧКИ 20 РУБ.
в СТЕЙЛОНОВЫХ 25-25-25.
ДОМАШНЯЯ И КАМЕРНАЯ ТАБЛЕТКА
СЕРИЯ 3
С ОДЕРЖИЕМ 24 ПРЕМЕТА
СЕРИЯ 2
С ОДЕРЖИЕМ 21 ПРЕМЕТА
ДОРОЖНАЯ СПОРТИВНАЯ
7.50 руб. — 50 к.

ВСЕ ЗА БРИТЬЯ

бритвы, безопасные бритвы лезвия, оселки, кисти, мыльница, трюфоль оселков и пр.
Бритва «Эд» из лучшей английской стали. Цена 8 руб.
Предметы гигиены, ножницы, зубные, головные, детские и женские бритвы, бритвенные щетки и аптечная галатея. Кухонный нож, лезвие, лезвие, подставка лезвия и др. различные изделия.
Платиновые средства, капи, мап, поросин и другие изделия Гоммедторгпрома.

БАЛАЛАЙКИ
работают лучших мастеров, из лучших дерева и выверен лезвий. Битрусы, с широт. волк. 6 р. 70 к., 7 р. 50 к., 8-струнн. с лезвием, волк. вышн. сорт — 10 р., 11 р. 12 р. 25 к., 14 р. 16 р. 30 к. и 20 р. 45-рубн. лезвие на 65 к. Битрусы, дорожки на 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 струн. ГИТАРЫ, МАДИОНЫ, ДУХОВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И РАЗНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРИБОРАМИ.
Всё самый широкий ассортимент (сигары, балалайки на 10, 15, 20, 25, 30 и 35 струн. Цены от 200 р. до 800 р.)

ФОТООПТИКА
Все для фотолюбителей и профессионалов. Всевозможные фотоприндальности и химикаты по ценам треть. Подойдет миллиметр, катушка выскл. на 10-кол. спец. марку, касс. — бесплатно.

ТРЕБУЮТ ПРЕС-ИЗДАТЕЛИ
Коллективом в учрежденном каталоге выставляются на 20-ю валют, остальные — на 10-ю мон. марку.
Для УСКОРЕНИЯ ЗАКАЗА: 1) пишете письмо адрес — факультет, 2) перечисляете валютными деньгами тотлар на своем денежном переводе, 3) посылаете письмо и требуемую сумму перевода; упаковка и перевозка за счет заказчика переводите деньги вперед полностью не менее 4 стоимости выказа, остальное высылаете в платежном ЗАКАЗЫ И ЛИСТЫ АДРЕСОВАНЫ: Москва, «ГОНЕТС», Москворецкая, 24/41.